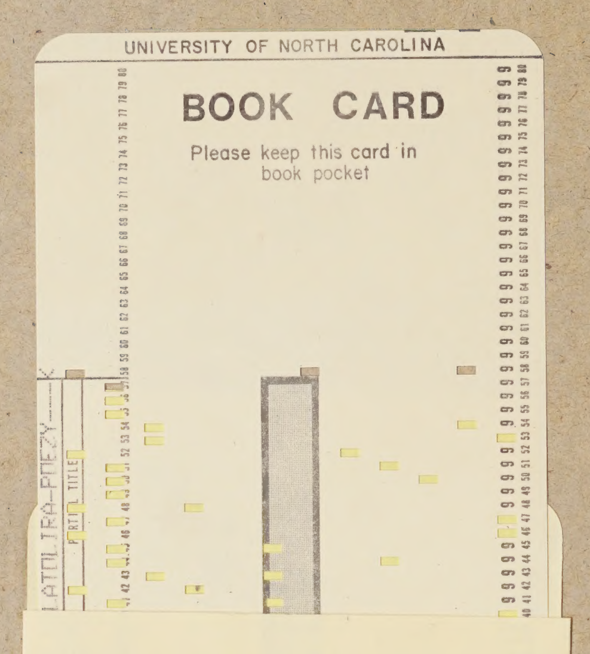
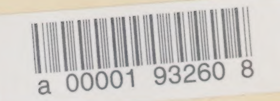
ZLATOLIRA: POEZY

SEVERIANIN

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
BOOK CARD
Please keep this card in book pocket

PG3476
.S4352
Z4
1914

a 00001 93260 8

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ

ЗЛАТО=ЛИРА

ПОЭЗЫ. ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
К-ВА ГРИФЪ.
МОСКВА. 1914

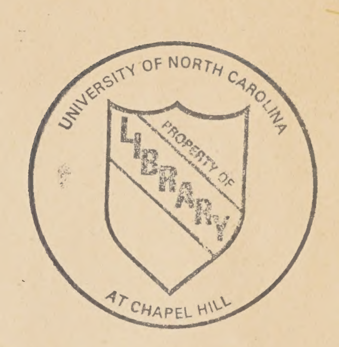
ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

ЗЛАТОЛИРА.

ПОЭЗЫ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ИЗДАНІЕ II.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРИФЪ“.
МОСКВА.—1914.

Лидии Рындиной

посвящается автором эта книга.

I.

ЖИВИ, ЖИВОЕ!

ЭГОПОЛОНЕЗЪ.

Живи, Живое! Подъ солнца бубны
Смѣлѣе, люди, въ свой полонезъ!
Какъ плодоносны, какъ златотрубны
Снопы ржаные моихъ поэзъ!
Въ нихъ водопадятъ Любовь и Нѣга,
И Наслажденье, и Красота!
Всѣ жертвы міра во имя Эго!
Живи, Живое!—поютъ уста.
Во всей вселенной насъ только двое,
И это двое — всегда одно:
Я и Желанье! Живи, Живое! —
Тебѣ безсмертье предрѣшено!

Веймарнъ.

ПОЭЗА ВОЗМЕЗДІЯ.

Моя вторая Хабанера
Взорвалась, точно динамитъ.
Мнѣ отдалась сама Венера, —
И я всеміріно знаменитъ!

То было въ девятьсотъ девятомъ...
Но до двѣнадцатаго — дымъ
Все стлался по мѣстамъ, объятымъ
Моимъ пожаромъ золотымъ.

Возгрянулъ годъ Наполеона
(Вѣкъ — эхо громогласныхъ дѣлъ!).
Вселенскаго Хамелеона
Душа — безсмертный мой удѣлъ.

Издымленъ дымъ, и въ льстивый танецъ
Пустился міръ, войдя въ азартъ.
Я — геніальный корсиканецъ!
Я — возрожденный Бонапартъ!

Но óстрова Святой Елены
Мнѣ не угрозенъ небосклонъ:
Не мнѣ трагическіе плѣны,
Зане я самъ Хамелеонъ!

Что было въ девятьсотъ девятомъ,
То будетъ въ милліардъ второмъ.
Я покорю міры булатомъ,
Какъ покорялъ міры перомъ.

Извѣчно странствуя съ талантомъ
По плоской лосскости земной,
Былъ Карломъ Смѣлымъ, былъ я Дантомъ,
Наполеономъ — и собой.

Такъ: будетъ то, что было, снова —
Перо, булатъ, перо, булатъ...
Когда жъ Земли падетъ основа —
О, ужасъ! — буду я крылатъ!...

Веймарнъ.

ВАЛЕРІЮ БРЮСОВУ.

Сонетъ — отвѣтъ.

(Акростихъ).

Великаго привѣтствуетъ великій,
Алѣя вдохновеніемъ. Блеститъ
Любовью стихъ. И солнечные блики
Елей весны ручьисто золотитъ.

Ручьись, весна! Летитъ къ тебѣ, летитъ
Іюнь, твой принцъ, безсмертникъ неболикій!
Юлятъ цвѣты, его гоньбы улики,
Божитъ земля, и все на ней божитъ.

Рука моя тебѣ, собратъ-титанъ!
Юнись душой, плескучій океанъ!
Самодержавный! мудрый! вѣчный гордо!

О, близкій мнѣ! мой окрылитель! ты—
Ваятель мой! И царство Красоты—
У насъ въ рукахъ. Мнѣ жизненно! мнѣ бодро!

САМОГИМНЪ.

Меня отронитъ Марсельезія,
Какъ президентнаго царя!
Моя блестящая поэзія
Сверкнетъ, какъ вешняя заря!
Парижъ и даже Полинезія
Вздрожатъ, мнѣ славу воззаря!

Мой стихъ серебряно-брильянтовый
Живителенъ, какъ кислородъ.
— О, геніальный! О, талантливый! —
Мнѣ возгремитъ хвалу народъ.
И станетъ пить ликеръ гранатовый
За мой ликующій восходъ.

Пусть на турнирахъ славоборчества
Стиха титаны и кроты
Берлинства, Лондонства, Нью-Іорчества
Меня сразить раскроютъ рты:
Я — я! Значенье эготворчества —
Плодъ искушенной Красоты!

МОЯ МЕЧТА.

Моя мечта — морякъ скиталецъ...
Вспѣняя бурный океанъ,
Не разъ причаливалъ страдалецъ
Ко пристанямъ волшебныхъ странъ.
Не разъ чарующіе взоры
Сулили счастье моряку,
Но волнъ измѣнчивыя горы
Вновь къ океану - старику
Руль направляли у голландца,
И съ местью тайною въ глазахъ
Пускался онъ въ морскіе танцы
На сумасшедшихъ парусахъ.
Стремился онъ побѣдоносно,
Своимъ безумьемъ смѣлъ и гордъ,
И, прорѣзая волны грозно,
Вплывалъ въ разбуженный фіордъ.
Еще встревоженныя волны
Грозили смертью рыбакамъ,
Еще испуганные челны
Стремились, въ страхѣ, къ берегамъ,
Еще, какъ дьявольскія трубы,
Въ горахъ не замерли гудки, —
А онъ, смѣясь надъ сушей грубо,
Въ порывѣ злобы и тоски,
Въ своемъ отчаяньи скитанья
И безъ надежды въ якоря
Спѣшилъ на новыя страданья,
Стремился въ новыя моря.
Пусть мнѣ грозитъ небесный палецъ,
Но дерзновенно я почту
Мечту — какъ онъ, морякъ - скиталецъ —
Мою гонимую мечту!

Мыза „Ивановка".

НА СМЕРТЬ ЛЕРМОНТОВА.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести..
М. Ю. Лермонтовъ.

Палъ жертвой лжи и зла земного,
Коварства гнуснаго людского
И низкой зависти людей
Носитель царственныхъ идей.
Погибъ и онъ, какъ геніальный
Его предшественникъ-собратъ,
И панихидой погребальной
Страна гудитъ, и людъ печальный
Душевной горестью объятъ.

* * *

Но не всего народа слезы
Сердечны, искренни, чисты,—
Какъ не всегда пунцовы розы,
Какъ не всегда свѣтлы мечты.
Для горя ближнихъ сердцемъ зорокъ,
Не забывалъ ничьихъ онъ нуждъ;
Пускай скорбятъ—кому онъ дорогъ!
Пускай клеймятъ—кому онъ чуждъ!
И пусть толпа неблагодарна,
Коварна, мелочна и зла,
Фальшива, льстива и бездарна
И вновь на гибель обрекла
Другого генія, другого
Пѣвца съ божественной душой,—
Онъ не сказалъ проклятья слова
Предъ зломъ кончины роковой.

* * *

А ты, злодѣй, убійца, ты, преступникъ,
Сразившій генія безчестною рукой,
Ты заклейменъ, богоотступникъ,
Проклятьемъ мысли міровой.

Гнуснѣе ты Дантеса—тотъ хоть пришлый,
Въ немъ не течетъ земель славянскихъ кровь;
А ты, змѣя, на битву съ братомъ вышла,—
И Каинъ возродился вновь!..
Не лейте слезъ, завистники, фальшиво
Надъ прахомъ генія, не оскорбляйте прахъ;
Вы, стадо жалкое, ничтожно и трусливо,
И вашъ пастухъ—позорный страхъ.
Васъ оцѣнятъ вѣка и заклеймятъ, повѣрьте,
Сравнивши обликъ каждаго съ змѣей...
И вы, живые,—мертвые безъ смерти,
А онъ, и мертвый,—да живой!

СОЛНЦЕ ВСЕГДА ВДОХНОВЕННО.

Солнце всегда вдохновенно!
Солнце всегда горячо!
Другъ мой! сольемся мгновенно:
Наше желанье—ничье.

Жизнь безнадежна и тлѣнна,
Мигомъ трепещетъ плечо...
Солнце, какъ мы, вдохновенно!
Солнце, какъ мы, горячо!

ВДЫХАЙТЕ СОЛНЦЕ.

Вдыхайте солнце, живите солнцемъ,—
И солнцемъ сами блеснете вы!
Согрѣютъ землю лучи живые
Сердецъ, познавшихъ добро и свѣтъ..

Вдыхайте небо, живите небомъ,—
И небесами засвѣтитъ взоръ!
Съ любовью небо сойдетъ на землю,
А міръ прощенный—на небеса.

Мыза „Ивановка".

ЭХО.

Ради шутки, ради смѣха
Я хотѣлъ бы жить всегда!
Но отвѣтило мнѣ эхо:
„Да!“

Повтори... еще... сначала...
Кто безсмертенъ, какъ мечты?
Снова эхо отвѣчало:
„Ты!“

Мыза „Ивановка“.

AVE MARIA.

О, Дѣва-Мать, возрадуйся блаженно!
Господь съ Тобой, носившая Его,
Хранителя безсмертья моего!..
Да будешь Ты межъ женъ благословенна,
Благословенъ плодъ чрева Твоего!

ПѢВИЦА ЛИЛІЙ ПОЛЕЙ САРОНА.

1.

Есть ли счастье на свѣтѣ сильнѣй любви?

2.

Слава тѣмъ, чья любовь побѣждаетъ смерть!

Мирра Лохвицкая.

Пѣвица лилій полей Сарона,
Тебѣ корона!
Къ тебѣ у трона
Сойдутся міра всего пути—
Лишь захоти!

Полей Сарона пѣвица лилій!
Тщета воскрылій...
Тщета усилій...
Мы не достигнемъ твоихъ высотъ—
Снесетъ, снесетъ!..

Да воцарится
Царицъ царица,
Сарона лилій полей пѣвица!
Въ хитоны солнца возоблекись,
Балькисъ!

СИМФОНІЯ.

Схороните меня среди лилій и розъ,
Схороните меня среди лилій.
Мирра Лохвицкая.

Моя любовь твоей мечтѣ близка.
Черубина де Габріакъ.

У старой лавры есть тихій островъ,
Есть мертвый островъ у старой лавры,
И ровъ ползетъ къ ней, ползетъ подъ мостъ ровъ
А мостъ минуешь—хранятся лавры
Царицы грезъ.

Я посѣтилъ, глотая капли слезъ,
Убогую и грубую могилу;
Гдѣ спитъ она—она, царица грезъ...
И видѣлъ я,—и мысль теряла силу...
Такъ вотъ гдѣ ты покоишься! и—какъ!
Что говорить о прахѣ величавомъ?
Гдѣ памятникъ на зависть всѣмъ державамъ?
Гдѣ лиліи? гдѣ розы? гдѣ же макъ?

Нѣтъ, гдѣ же макъ? Что же макъ не цвѣтетъ?
Отчего нагибается крестъ?
Кто къ тебѣ приходилъ? кто придетъ?

О, дитя! о, невѣста невѣстъ!
Отчего, отчего
От меня ты сокрыта?
Вѣдь никто... никого...
Ни души... позабыта...

Нѣтъ, невозможно! нѣтъ, не повѣрю!
Власти мнѣ, власти—я верну потерю!
Взрою землю!.. сброшу крестъ гнилой!..
Разломаю гробъ я!. поборюсь съ землей!..
Напущу въ могилу солнца!.. набросаю цвѣтовъ...
— Встань, моя Бѣлая!.. лучше я лечь готовъ...

„Забудь... забудь о чудѣ",
Шептала мнѣ сентябрьская заря...
А вкругъ меня и *здѣсь* ходили люди,
И *здѣсь* мнѣ въ душу пристально смотря...
И гдѣ же?!. гдѣ-жъ?!—У алтаря.

Изъ чернаго гордаго мрамора высѣчь
Хотѣлъ бы четыре гигантскія лиры,
Четыре сплетенныя лиры-рѣшетки—
На сѣверъ, на западъ, на югъ, на востокъ.
У лиръ этихъ струны—изъ чистаго золота прутья,
Увитые алымъ и бѣлымъ душистымъ горошкомъ,
Какъ строфы ея—бархатистымъ, какъ чувства—простымъ.
А тамъ, за рѣшеткой, поставилъ бы я не часовню,
Не памятникъ пышный, не мрачный—какъ жизнь—мавзолей,
А бѣлую лилію, символъ души ея чистой,
Титанію—лилію, строгихъ трудовъ образецъ.
Въ молочномъ фарфорѣ застыло-бъ сердечко изъ злата,
А листья—сплошной, и безцѣнный какъ мысль изумрудъ.
Какъ росы, на листьяхъ сверкали бъ алмазы и жемчугъ

При Солнцѣ, Венерѣ, Аврорѣ и мертвой Лунѣ.
И грезилъ бы Сиріусъ, ясный такой и холодный,
О лиліи бѣлой, застывшей въ мечтаньи о немъ...

И въ сердцѣ пѣли неба клиры,
Душа въ Эдемъ стремила крылія...
А сквозь туманъ взростала лилія
За струнной изгородью лиры...

БАЛЬКИСЪ.

Отъ солнца я веду свой древній родъ!
Мирра Лохвицкая.

Есть что-то въ ней, что красоты прекраснѣй.
Е. Баратынскій.

До дня грядущаго отъ сотворенья міра
— (Кто скажетъ искренно?.. Кому земли не жаль?..)
Кто знаетъ женщину, прекрасную какъ лира,
И ясномудрую, какъ горная скрижаль?

Ихъ было нѣсколько, великихъ какъ держава,
Прекрасныхъ, доблестныхъ и свѣтлыхъ, какъ эмаль.
Но я—про женщину, прекрасную какъ слава!
Но я—про женщину, Синайскую скрижаль!

До дня грядущаго отъ сотворенья міра
Подобной женщины на свѣтѣ не цвѣло...
Ищите женщину, прекрасную какъ лира,
И ясномудрую, какъ генія чело!

И лишь у Лохвицкой, чья мысль и греза—лава,
Въ поэмѣ солнечной и жизненной, какъ май,
Я встрѣтилъ женщину, прекрасную какъ слава,
И ясномудрую, какъ царственный Синай!

До дня грядущаго отъ сотворенья міра
Прекраснѣй не было отъ нищихъ до маркизъ...
И эта женщина, прекрасная какъ лира,
И ясномудрая какъ заповѣдь—Балькисъ!

ПОЭЗА О ФОФАНОВѢ.

Возьмите „Фофанова“ въ руки
И съ нимъ идите въ вешній садъ.
Томленье ваше, скуку, муки
Его напѣвы исцѣлятъ.

Себя самихъ не понимая,
Вы вдругъ заискритесь, какъ Муммъ,
Подъ „Майскій шумъ“ поэта мая
И подъ зеленый майскій шумъ.

Пропѣвъ неряшливыя строки,
Гдѣ упоителенъ шаблонъ,
Поймете сумерекъ намеки
И все, чѣмъ такъ чаруетъ онъ.

Не будьте жъ къ мигу близоруки,—
Весна и солнце отблестятъ!
Берите „Фофанова“ въ руки
И съ нимъ бѣгите въ вешній садъ!

марнъ.
1913. Начало іюня.

ЭЛЕГІЯ.

Вы мать ребенка школьническихъ лѣтъ,
И черезъ годъ мужъ будетъ генераломъ...
Но отчего на личикѣ усталомъ —
Глухой тоски неизгладимый слѣдъ?

Необходимъ для сердца переломъ:
Догнать... Вернуть... Сказать кому-то слово...
И жутко Вамъ, что все уже въ быломъ,
А въ будущемъ не видно и былого...

СЪ ЯДОМЪ У КОСТРА.

Мнѣ въ гробъ не страшно, но обидно:
Любви взаимной сердце ждетъ.
Шаги? — не слышно! Плащъ? — не видно!
Шептать безстыже — какъ-то стыдно:
„Тотъ, настоящій, — онъ придетъ?"

Я замужемъ, вполнѣ любима,
И чувство мужье — мой шатеръ.
А жизнь и тотъ проходятъ мимо...
— „Постой: ты — мой!" Но — имя?!. имя?!.
Догнать! Призвать! И съ нимъ — въ костеръ!

ИНТИМА.

Съ улыбкою на чувственныхъ губахъ,
Какъ школьница, вы вышли изъ трамвая.
Я у вокзала ждалъ васъ, изнывая,
И сердце мнѣ щемилъ зловѣщій страхъ.

Вы подали мнѣ руку, заалѣвъ
Застѣнчиво, глаза свои прищуря.
Въ моей груди заклокотала буря,
Но я сдержался, молча поблѣднѣвъ.

Эфектенъ былъ вашъ темный туалетъ,
Пропитанный тончайшими духами.
Вы прошептали: „Ѣхать ли мнѣ съ вами?"..
Я задрожалъ отъ ужаса въ отвѣтъ:

— Возможно-ли?!. Вы шутите?! — Мой взоръ
Изобразилъ отчаянье такое,
Что вы сказали съ ласковой тоскою:
„Ну, ѣдемте... туда... въ осенній боръ...

Вы любите меня, свою „ее“,
Я вѣрю, вы меня не оскорбите...
Вотъ вамъ душа, — себѣ ее берите,
Мое же тѣло — больше не мое:

Я замужемъ, но главное — я мать.
Вы любите меня нѣжнѣе брата
И вы меня поймете... Это — свято.
Святыню же не надо осквернять“,

И я сказалъ: „Любовь моя щитомъ!
Пускай до тла сожгу себя я въ страсти, —
Не вы въ моей, а я у васъ во власти!“..
...Моя душа боролася съ умомъ...

Мыза „Ивановка“.

ДВА ДНЯ ВЪ САДУ ОСЕННЕМЪ...

(Стихотвореніе диллетантки.)

Вчера.

Зачѣмъ вы расцвѣли, осенніе цвѣты?
Замерзните... засохните... увяньте...
Вы говорите мнѣ о горестномъ талантѣ,
О юности моей, о жаждѣ красоты.
Я такъ утомлена, мнѣ нуженъ лишь покой,
Веснѣ возврата нѣтъ, мечты мои померкли...
Мнѣ все равно: среда, суббота ли, четвергъ ли, —
Живу я не живя, замерзла я душой...
Но было время... да! была я молода,
Я вѣрила, ждала... надѣялась... страдала...

Но не было „его"... Сирень благоухала,
И яблони цвѣли... и вяли безъ плода!
А я-то! я-то! я!.. Какъ я хотѣла жить,
Любить, безумствовать, смѣяться до рыданья!
И вотъ явился „онъ"... Но новыя страданья
Онъ мнѣ принесъ съ собой; онъ не умѣлъ любить!
Онъ не постигъ моей трепещущей души, —
Онъ не сумѣлъ постичь... онъ понялъ только тѣло...
А я его всего, всего его хотѣла!..
За всѣ мои „цвѣты" онъ могъ мнѣ дать... „гроши"!..
О, я превозмогла отчаянье и стыдъ, —
Его отвергла я! Я, гордая, не пала...
Окаменѣла я... Сирень благоухала...
И яблони цвѣли... Но ихъ безплодный видъ
Внушалъ холодный страхъ и навѣвалъ печаль мнѣ...
Спасаясь отъ себя, я вышла замужъ; мужъ
Остался мнѣ чужимъ, — и безъ сліянья душъ
Я зачала дѣтей въ своей трагичной спальнѣ...
Люблю-ли я дѣтей? О, да! они — исходъ
Безвыходной мечты... Они — мое забвенье.
А я все жду „его", не вѣря въ появленье, —
И снова нѣтъ „его"... Въ мечтѣ — сирень цвѣтетъ,
И яблони безплодныя цвѣтущи...
Но я утомлена... Веснѣ возврата нѣтъ...
Осенніе цвѣты! гасите же свой свѣтъ:
Пока цвѣтете вы, мои мученья пуще...

Сегодня.

Благоухайте вы, весенніе цвѣты!
Молю, помедлите... да пощадитъ васъ тлѣнье...
„Онъ" самъ пришелъ ко мнѣ, „онъ" принялъ воплощенье!
Но я... гоню „его"... чтобъ сохранить... мечты!

ПѢСЕНКА-ВЕСЕНКА.

Итакъ, Вы снова въ „Дылицы"?
Ну, что же, въ добрый часъ.
Счастливица! счастливица!—
Я радуюсь за Васъ!
        Запасшись всякой всячиной,
        Садитесь Вы въ купэ,
        Забывъ уже за Гатчиной
        О шумѣ и толпѣ.
И сердце вновь олѣтено,
Кипитъ, какъ Редереръ...
И вотъ — Елизаветино!
И вотъ — дебаркадеръ!
        Вдали столичной пошлости
        Сіяя такъ свѣтло,
        На рослой сѣрой лошади
        Вы ѣдете въ село.
Уже киваетъ мельница
Вамъ ласковый привѣтъ,
Вы снова — карусельница,
Ребенокъ и поэтъ!
        У дачи бродитъ курочка,
        И рядомъ съ ней пѣтухъ...
        Ликуетъ шумно Шурочка
        Среди веселыхъ рюхъ...
Поймать стараясь зяблика,
Шалунъ бѣжитъ къ лѣсамъ;
Я узнаю въ немъ Дьяблика,
Который — зябликъ самъ...
        Вамъ сердце окудесила
        Проказница-Весна:
        Бѣжите въ полѣ весело —
        Одна! одна! одна!
Впивая радость рьяную,
Бросаетесь въ траву,
Снѣгуркою-Тіаною
Мечтая на яву...

Какъ сладко этой дѣвочкѣ
Шепнуть: „тоскѣ капутъ“...
А въ паркѣ пляшутъ бѣлочки,
И ландыши цвѣтутъ!
Пускай же сердце выльется
Въ бокалъ любви полнѣй!
О, „Дылицы“! О, „Дылицы“! —
Страна Мечты моей!

ВИНА БАЛЬКИСЪ.

Тріоли.

(Варіація поэмы Мирры Лохвицкой „На пути къ Востоку“.)

1.

Царица южная Балькисъ
Грядетъ къ престолу Соломона.
Влекутъ, влекутъ его знамена
Царицу южную Балькисъ!
Ифритъ лазурный и Ивлисъ,
Злой геній, врагъ святого трона,
Царицу южную Балькисъ
Влекутъ къ престолу Соломона.

2.

Лазурноокій Гіацинтъ
Былъ моремъ выброшенъ на скалы,
Когда душа любви искала.
Лазурноокій Гіацинтъ
Израненъ щебнемъ. Приласкала
Балькисъ его, давъ ранѣ бинтъ.
Лазурноокій Гіацинтъ
Былъ бурей выброшенъ на скалы.

3.

Балькисъ забыла для него
Свой путь, свой санъ, свое значенье.
Чтобъ облегчить его мученья,
Она забылась для него.
А онъ, извѣдавъ облегченье,
Ее покинулъ. Для чего
Она забыла для него
Свой путь, свой санъ, свое значенье?

4.

Дальнѣйшій путь ей запрещенъ
Ифритомъ, геніемъ лазурнымъ.
Ивлисъ побѣдой восхищенъ:
Дальнѣйшій путь ей запрещенъ.
Тогда, томясь порывомъ бурнымъ,
Скорбитъ царица: „Соломонъ!
Мнѣ путь священный запрещенъ
Ифритомъ, геніемъ лазурнымъ"...

5.

Надъ Гіацинтомъ правитъ судъ
Балькисъ, премудрая царица.
Онъ пойманъ! вотъ его ведутъ!..
Она надъ нимъ свершаетъ судъ,
Она убить его грозится...
Но грёзы вдаль ее несутъ —
И свой оканчиваетъ судъ
Прощеньемъ мудрая царица.

6.

Спѣшитъ лазоревый Ифритъ
Направить путь ея къ Сарону,
И осѣняетъ ей корону
Крыломъ лазоревымъ Ифритъ.

Онъ вдохновенно говоритъ:
— Готовься въ жены Соломона! —
И вновь ликующій Ифритъ
Ведетъ Балькисъ въ поля Сарона.

БЛАГОДАТНАЯ ПОЭЗА.

Ты набухла ребенкомъ! ты — весенняя почка!
У меня вскорѣ будетъ златокудрая дочка.
Отчего же боишься ты познать материнство?
Плюй на всѣ осужденья, какъ на подлое свинство!
Возликуй безпредѣльно, крещена благодатью
Будь хорошей подругой и такою же матью!
Вытравлять же ребенка — ты согласна со мною? —
Это то же, что почки уничтожить весною,
Цвѣтъ плодовъ поразвѣять. Эта мысль неотступно
Безпокоитъ меня; — такъ не будь же преступна!

Ст. Веймарнъ, мыза „Пустомержа“.

НЕВОДЪ ГРЕЗЪ.

У меня, какъ въ хатѣ рыболова,
Сѣть въ избѣ,— попробуй, рыбъ поймай!
Въ гамакѣ, растянутомъ въ столовой,
Я лежу, смотря въ окно на май.
На окошкѣ солнится лиловый
Crème de Violettes. Я — мальчикъ-пай.
И она, любимая, въ два слова
Напѣваетъ нѣжно: „баю-бай“...

Зеленѣетъ, золотѣетъ зелень,
И поетъ — чирикаетъ листва...
Чей капотъ такъ мягокъ, такъ фланелевъ?
Кто глазами замѣнилъ слова?

Для тебя всѣ цѣли обезцѣливъ,
Я едва дышу, я живъ едва.
Тѣломъ, что въ моемъ тонуло тѣлѣ,
Обезкровить вены мнѣ — права.

А теперь, пока листвѣютъ клены,
Ласкова, улыбна и мягка,
Посиди безмолвно и влюбленно,
Около меня, у гамака,
Май шалитъ златисто и зелёно,
Дай ему ликеру два глотка,—
И фіалковой волшбой спеленатъ,
Падая, дастъ липѣ тумака!

Веймарнъ.

МАЙСКАЯ ПѢСЕНКА.

Раскачни мой гамакъ, подкачни! —
Мы съ тобою вдвоемъ, мы одни,
И какое намъ дѣло, что тамъ,
Гдѣ-то тамъ, не сочувствуютъ намъ?!.

Май любезно смѣется въ окно...
Намъ любовно съ тобой и смѣшно:
(Ты меня цѣликомъ понимай!)
Предъ поэтомъ заискивалъ май!..

Понимаетъ, должно быть, что я,
Безпредѣльную силу тая,
Захочу — и оперлю его,
Ну а нѣтъ — про него ничего!

Въ этотъ годъ мнѣ отрадна весна,
И пришедшая слава ясна,—
Будетъ славно воспѣтъ мною май!
Подкачайже гамакъ! раскачай!

Веймарнъ.

РЕАБИЛИТАЦІЯ.

Ты осудилъ меня за то, что я, спѣша
Къ любимой женщинѣ, родами утомленной,
Прервалъ свое турнэ, что съ болью изступленной
Къ ней рвалась вся душа!

Еще ты осудилъ меня за то,
Что на пути домой я незнакомку встрѣтилъ,
Что на любовь ея такъ нѣжно ей отвѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто!

Но что же я скажу тебѣ въ отвѣтъ? —
Я снова съ первою — единственной и вѣчной,
Какъ могъ ты осудить меня, такой сердечный,
За то, что я — поэтъ?

Веймарнъ.

ОБѢ ВЫ МНѢ ЖЕНЫ...

Обѣ вы мнѣ жены, и у каждой дѣти —
Дѣвочка и мальчикъ — оба отъ меня.
Дѣвочкина мама съ папой въ кабинетѣ,
А другой не знаю тысячу три дня.

Дѣвочкина мама — тяжко ль ей, легко ли —
У меня, со мною, цѣликомъ во мнѣ.
А другая мама гдѣ-то тамъ на волѣ,
Можетъ быть, *на морѣ*,— можетъ быть, *на днѣ*.

Но ея ребенокъ, маленькій мой мальчикъ,
Матерью пристроенъ за три пятьдесятъ.
Кто же поцѣлуетъ рта его коральчикъ?
Что же: я невиненъ или виноватъ?

Ахъ, я взялъ бы, взялъ бы крошку дорогого
Миленькаго дѣтку въ тѣсный кабинетъ.
Дѣвочкина мама! слово, только слово! —
Это такъ жестоко: ты ни „да“, ни „нѣтъ“!..

Ст. Бруда.

ПОЭЗА БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Князь взялъ тебя изъ дворницкой. Въ шелка
Одѣлъ дитя, удобное для „жмурокъ“...
Онъ для тебя не вышелъ изъ полка,
А поигралъ и бросилъ, какъ окурокъ.

Онъ роскошью тебя очаровалъ
И отуманилъ слабый умъ ликеромъ.
И возвратилась ты въ родной подвалъ,
Не осудивъ любовника укоромъ.

Пришелъ поэтъ. Онъ сталъ тебѣ внимать
И взялъ къ себѣ въ убогую мансарду.
Но у него была старуха - мать,
Язвившая за прежнюю кокарду.

И ты ушла вторично въ свой вертепъ,
А нищій скальдъ „сошелъ, въ тоскѣ, въ могилу“.
Ты не могла трудомъ добыть свой хлѣбъ,
Но жить въ подвалѣ стало не подъ силу.

И ты пошла на улицу, склонясь
Предъ „рокомъ злымъ“, съ раскрытымъ прейсъ-куран-
томъ.
И у тебя въ мечтѣ остался — князь
Съ душой того, кто грѣлъ тебя талантомъ.

NOCTURNE.

Сонъ лелѣя, лиловѣетъ западъ дня.
Снова сердце для разсудка западня.

Только вспомню о тебѣ,— къ тебѣ влечетъ.
Знаешь мысли ты мои наперечетъ.

И хочу, иль не хочу — къ тебѣ безъ словъ
Я иду... А западъ грустенъ и лиловъ.

ТОЛЬКО МИГЪ.

Я гостилъ въ твоемъ сердечкѣ
Только мигъ.
Это было возлѣ рѣчки,
Гдѣ тростникъ.

Ты въ душѣ моей — какъ дома
Навсегда!
И разрушитъ тѣ хоромы
Кто? Когда?

ВСТРѢЧАТЬ ВЫХОЖУ...

На нашу дорогу встрѣчать выхожу я тебя,—
Но ты не приходишь... А сердце страдаетъ, любя...

Я все ожидаю: вотъ-вотъ ты прорѣжешь листву
И мнѣ улыбнешься опять на-яву... на-яву!

Отдашься... какъ прежде, отдашься! даруя, возьмешь.
Но ты не приходишь и, можетъ быть, ты не придешь.

А я на дорогѣ, на нашей, встрѣчаю тебя!
А я тебѣ вѣрю!.. И мечется сердце, любя...

Мыза „Ивановка“.

ВАЛЬСЪ.

(На мотивъ Мирры Лохвицкой.)

Если это возможно, устрой
Наше счастье, разбитое мной.
Ощущеній отцвѣтшихъ пустъ рой,
И въ душѣ полумракъ ледяной.

Но къ кому? но къ кому? но къ кому
Я взываю со скорбной мольбой?
Почему почему? почему?
Я исполненъ, какъ раньше, тобой?

Мы разстались съ тобою, когда
Тихо осень истлѣла въ снѣгу.
Шли минуты, шли дни, шли года, —
Но тебя позабыть не могу!

Не могу позабыть никогда!
Ты со мною, хотя безъ меня...
Ты всегда для меня молода
И желанна, какъ солнце для дня.

Ты ушла, наше счастье поправъ,—
Кто изъ насъ виноватъ, посуди!
Но я правъ! но я правъ! да, я правъ
Тѣмъ уже, что взываю: „приди!“

Пусть я жалокъ тебѣ, — пожалѣй!
Пусть я грѣшенъ, — прощенье неволь!
Или мсти, прегрѣшенія злѣй, —
Но тобой надышаться дозволь!

Мыза „Ивановка“.

АККОРДЪ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ.

Но есть упоенье въ позорѣ
И есть въ униженьи восторгъ!

Валерій Брюсовъ.

Она ко мнѣ пришла и говорила здѣсь,
Вотъ въ этой комнатѣ, у этого окна:
— Любимый! милый мой! убей меня! повѣсь! —
Тебѣ я больше не вѣрна. —

Ты удивляешься? растерянъ ты теперь?
Не оскорбила ль я тебя? О, не скрывай!
Мы разошлись съ тобой... Я мучилась... Повѣрь,
Съ тобой я потеряла рай.

Ты разлюбилъ меня, — я вижу по глазамъ; —
О! мнѣ твои глаза не лгали никогда...
Ты честенъ, справедливъ! и ты согласенъ самъ:
Я отгадала, милый? да?

Я все тебя люблю попрежнему! ты — мой!
И я... я вся — твоя! нѣтъ, впрочемъ, не совсѣмъ:
Ужъ пятеро — съ тѣхъ поръ! — повелѣвали мной!..
Но... оскорблять тебя зачѣмъ?..

Зачѣмъ? вѣдь это — грѣхъ! о, я теряю умъ.
Ты знаешь, извини меня: нѣтъ больше силъ,
Я больше не могу... устала я отъ думъ...
Ты все жъ мнѣ близокъ, дорогъ, милъ!

Я все еще тебя люблю, люблю... Увы,
Теперь ужъ я не та... о, нѣтъ! совсѣмъ не та, —
Теперь я... падшая! Позволите ли Вы
У Васъ побыть, моя Мечта?!

Вы слезы видите? вѣдь Вы добрѣе всѣхъ...
Простите, не могу: я плачу... ничего!
Наплюйте мнѣ въ лицо: вѣдь я одна изъ тѣхъ,
Которыхъ... тяжко!.. одного

У Васъ молю: чуть-чуть Вы любите меня?
Мнѣ, впрочемъ, все равно: *Я* все еще люблю!
О, бейте, мучайте несчастную, гоня,—
        Все, что хотите, претерплю!..—

Я на слова ея молчать уже не могъ
И руку, застонавъ, надъ нею я занесъ,
И захотѣлось мнѣ ей дать ударъ въ високъ
        При видѣ этихъ красныхъ слезъ...

— Ударь! ударь меня! ты видишь — жду, молю! —
Она шептала мнѣ съ неистовой тоской:
Но все-таки люблю! ты слышишь? — я люблю!
        И мой ты! слышишь?!. — мой!! —

Возненавидѣлъ я ее въ мертвящій мигъ
И проклиная дико крикнулъ: „Съ глазъ долой,
Змѣя проклятая! о, я тебя постигъ:
        Ты издѣваешься надъ мной!

Уйди! уйди скорѣй! — все кончено! позоръ
Пусть упадетъ теперь на голову твою!..“
И вотъ она ушла, потупивъ грустно взоръ,
        Сказавъ въ послѣдній разъ: люблю.

ОТРАВЛЕННЫЯ УСТА.

Новелла.

> Вотъ единственный поцѣлуй, который я могу тебѣ дать.
> *М. Метерлинкъ.*

I.

...И снова надолго зима седьмой разъ засыпала,
И въ лунной улыбкѣ слезилось унынье опала,
И лѣсъ лунодумный, казалося, былъ акварель самъ,
А поѣздъ стихійно скользилъ по сверкающимъ рельсамъ;
Дышалъ паровозъ тяжело; вздохи были такъ дымны;
Свистки распѣвали протяжно безумные гимны.

2.

Въ купэ, гдѣ напоенный лунными грезами воздухъ
Мечталъ съ нею вмѣстѣ, съ ней, ясно-неясной, какъ грезъ
духъ,
Вошелъ онъ, преслѣдуемъ прошлымъ, преслѣдуемъ вѣчно
Ихъ взоры струили блаженную боль безконечно.
Онъ сѣлъ машинально напротивъ нея, озаренный
Луной, понимавшей страданья души осребренной.

3.

И не было слова, и не было жажды созвучья,
И грезами груди дышали; и голые сучья
Пророчили въ окна о шествіи Истины голой,
Что шла къ двумъ сердцамъ, шла походкой тоскливо-
тяжелой.
Когда же въ сердца одновременно грохнули стуки,
Враги протянули — любовью зажженныя руки.

4.

И грезы запѣли, танцуя, сплетаясь въ узоры,
И прошлымъ друзья не взглянули другъ другу во взоры.
А если и было когда-нибудь прошлое, — въ мигѣ
Оно позабылось, какъ строки безцвѣтныя — въ книгѣ.
— Твоя, — прошептала, вспугнувъ тишину, пассажирка.
Звукъ сердце заискрилъ, какъ камень — холодная кирка.
„Вина прощена", улыбнулося чувство разсудку.
„Она", завесенясь, смахнула слезу-незабудку.

5.

Онъ палъ къ ней на грудь, какъ на розы атласистый
вѣнчикъ
Пчела упадаетъ, какъ въ воду — обманутый птенчикъ.
И въ каждой мечтѣ и души зачарованной фибрѣ
Порхали, кружились, крылили желанья - колибри.
— Вздымается страсть, точно струй занесенныя сабли!

6.

Уста ея пилъ онъ, не думая — царь ли онъ, рабъ ли...
А губы ея, эти губы — какъ сладостный опій —
Его уносили въ страну дерзновенныхъ утопій,
И съ каждою новой своею горячей печатью,
Твердя о воскресшей любви всепобѣдномъ зачатьи,
Его постепенно мертвили истомой атласа,
Сливая нектаръ свой коварный застывшаго часа.

СЪ КРЕСТОМЪ СИРЕНИ.

Цвѣты лилово-голубые,
Всего въ четыре лепестка,
Въ чьихъ крестикахъ мои былыя
Любовь, отвага и тоска!

Ахъ, такъ же вы благоухали
Тогда, давно, въ далекомъ, тамъ,
Зовя въ непознанныя дали
По опадающимъ цвѣтамъ!

И слушая благоуханье,
Вдыхая цвѣтовую рѣчь,
Я шелъ на брань завоеванья
Съ сиренью, замѣнившей мечъ...

А вы цвѣли и увядали...
По опадающимъ, по вамъ,
Я шелъ въ лазоревыя дали —
Въ цвѣты, въ цвѣтахъ и по цвѣтамъ!

Со мною были молодыя
Мечты и смѣлая тоска,
И вы, лилово-голубые
Кресты въ четыре лепестка!

Веймаръ.
1913 г. Май.

ИНТЕРМЕЦЦО.

Сирень моей весны фимьямною лиловью
Изнѣжила кусты въ каскеткахъ на-бекрень.
Я утопалъ въ травѣ, сзывая къ изголовью
Весны моей сирень.

— Весны моей сирень! — И голосъ мой былъ
звончатъ,
Какъ сереброгорлый май: дыши въ лицо пьянѣй...
О, да! о, никогда любить меня не кончитъ
Сирень весны моей!

Моей весны сирень грузила въ грёзы разумъ,
Пила мои глаза, вплетала въ брови сны
И, мозгъ испепеливъ, офлерила экстазомъ
Сирень моей весны...

АКВАРЕЛЬ.

Бѣжитъ—дрожитъ на жгучемъ побережьѣ
Волна, полна плѣнительныхъ былинъ.
Вездѣ песокъ, на немъ слѣды медвѣжьи.
Центральный мѣсяцъ — снова властелинъ.

И ни души. Весь міръ — отъ солнца!—вымеръ.
Но все поетъ — и море, и песокъ.
Оно печетъ, небесный князь Владиміръ,
И облако сѣдитъ его високъ.

Съ зайчатами зажмурилась зайчиха,
И къ чайкѣ чижъ спѣшитъ песочкомъ вскачь.
Въ душѣ трезвонъ. На побережьѣ тихо.
И слабый бодръ, и истомленъ силачъ.

РОНДЕЛИ О РОНДЕЛЯХЪ.

Какъ журчно, весело и блестко
Въ іюльскій полдень рѣку льетъ!
Какъ дѣвно солнится березка,
Вся — колыханье, вся — полетъ!
Душа излучиваетъ броско
Слова, которыхъ не вернетъ...
Какъ журчно, весело и блестко
Въ мой златополдень душу льетъ!
Природу пѣть — донельзя плоско,
Но кто поэта упрекнетъ
За то, что онъ ее поетъ?
И то, что въ жизни чуть громоздко,
Въ ронделяхъ и легко, и блестко.

Веймарнъ.
1913. Іюль.

НА СѢНОКОСЪ.

Льется дождь, златисто-косъ,
Льется, какъ изъ лейки.
Я иду на сѣнокосъ
По густой аллейкѣ.
Вотъ надъ рѣчкою откосъ,—
Сяду на скамейкѣ
Посмотрѣть на сотни косъ,
Какъ стальныя змѣйки.

Пудость, „Ивановка“.

ДАЧНЫЙ КОФЕ.

Какъ вкусенъ кофе утромъ лѣтнимъ
Въ росисто-щебетномъ саду.
За стадомъ, за быкомъ послѣднимъ,
Идетъ пастухъ, пыхтя въ дуду.

За нимъ несется вскачь корова,
Какъ помеломъ, хвостомъ маша.
И милолица, и здорова
Дѣвченка дѣетъ антраша.

Стремясь уйти у боннъ изъ-подъ рукъ,
Бѣжать куда глядятъ глаза,
Капризничаетъ каждый отрокъ,
Носъ гувернанткѣ показавъ.

Вотъ финскій рикша: въ таратайкѣ
Безконкурентный хлѣбопекъ
Везетъ „французженокъ“ и сайки—
Съ дорогою за пятачокъ...

Я подливаю въ кофе сливки
И — милъ, и юнъ, и добросердъ—
Вскрываю утренній конвертъ
На коленкоровой подшивкѣ.,.

Веймарнъ.
1913. Іюнь.

ВѢТЕРЪ.

Вѣтеръ веселъ, вѣтеръ прытокъ,
Онъ бѣжитъ вдоль маргаритокъ,
Покачнетъ бубенчикъ сбруи,
Колыхнетъ рѣчныя струи.

Вѣтеръ, вѣтреный проказникъ,
Онъ справляетъ всюду праздникъ,
Кружитъ, вертитъ все, что хочетъ,
И разнузданно хохочетъ.

Вѣтеръ милъ и добродушенъ
И къ сужденьямъ равнодушенъ,
Но разсердишь — не пеняй:
И задастъ же нагоняй!

Мыза „Ивановка“.

КЪ РАЗСКАЗУ Ѳ. СОЛОГУБА.

Вселенна „Бѣлая березка"!
Какъ сердце сладостно болитъ...
И вдругъ излучиваетъ броско:
„Она — Лилитъ! Она — Лилитъ!"

ЖЕНСКАЯ ДУША.

(Berceuse.)

Что такое — дѣвичья душа?
Это — тайна. Тайна хороша.
Я дышу. Дышу я, не дыша.
Убаюкай, дѣвичья душа!

Мало для души одной души,—
Души дѣвъ различно хороши.
Послѣ бури хочется тиши.
Мало для меня одной души!

Околдованъ каждою душой.
Пусть чужая будетъ не чужой.
...Спятъ цвѣты подъ первой порошой...
Очарованъ новою душой.

Что такое — женская душа?
Я не знаю, — только хороша...
Я ее вдыхаю, не дыша...
Убаюкай, женская душа!..

ПОЭЗА ПРЕДВЕСЕННИХЪ ТРЕПЕТОВЪ.

О. С.

Весеннимъ вѣтромъ вѣютъ лица
И таютъ, проблагоухавъ.
Тѣламъ легко и сладко слиться
Для весенѣющихъ забавъ.

Я снова чувствую томленье
И нѣжность, нѣжность безъ конца...
Твои уста, твои колѣни
И вздохъ мимознаго лица,—

Лица, котораго безчертны
Неуловимыя черты:
Снѣгурка съ темпомъ сердца серны,
Газель оснѣженная — ты.

Смотрѣть въ глаза твои русалчьи
И въ нихъ забвенно утопать;
Изнѣжные цвѣты фіалчьи
Подъ ними четко намѣчать.

И видѣть уходящій поѣздъ
И путь безъ станцій, безъ платформъ,
Читать безъ окончанья повѣсть,—
Душа Поэзіи — внѣ формъ.

СИНІЙ СОНЕТЪ.

Синѣетъ ночь, и съ робостью газели
Скользитъ ко мнѣ Вашъ стройный силуэтъ;
И Вашу тѣнь качаетъ лунный свѣтъ —
Луны далекой ясныя качели.

Шумъ ручейка и дальнiй звукъ свирѣли
Сливаются въ плѣнительный дуэтъ;
Мы шопотъ поцѣлуевъ шлемъ въ отвѣтъ,
Разнѣжены на свѣжихъ травъ постели.

Никто изъ насъ другъ въ друга не влюбленный
Сближается томленьемъ синевы,
Мотивами природы усыпленной
И пряною душистостью травы...
Не мучьтесь послѣ совѣстью безсонной:
Въ такую ночь отдаться — въ правѣ Вы!

ЕЩЕ ВЫ ДѢВУШКА.

Еще Вы дѣвушка: вѣдь этотъ алый крапатъ
На блузкѣ лилiебатистовой — весень...
Еще Вы дѣвушка, читающая Западъ,
Секретъ несущая въ сиреневую сѣнь.

Такая милая!.. Какъ золотистый грошикъ...
Поете молодость на разныхъ голосахъ...
Очарователенъ улыбчатый горошекъ,
Ушко наивное опутавъ въ волосахъ.

И, вотъ что, знаете: возьмите въ руки прутикъ,
И—кто кого теперь?!.—бѣжимъ на плацъ-крокетъ!
Еще Вы дѣвушка, еще Вы только лютикъ, —
И я изъ лютиковъ Вамъ подарю букетъ...

Я ЗАПОЮ.

Я запою на лирѣ звонкой
Мятежно, бурно — какъ гроза —
Черты улыбки чьей-то тонкой
И чьи-то русскiе глаза!

Я запою, въ восторгѣ, встрѣчи
Влюбленныхъ взоровъ, ихъ игру,
Ихъ гармоническія рѣчи,
Ихъ смѣхъ, подобный серебру.

Я запою улыбокъ солнца,
Ихъ золотистые лучи,
Сердецъ раскрытыя оконца
И душъ струистые ключи.

Благоухая вешнимъ пыломъ,
Предавъ забвенью грусть свою,
О комъ-то призрачномъ и миломъ
Я въ упоеньи запою.

Мыза „Ивановка“.

Я НЕ ЛГАЛЪ...

Я не лгалъ никогда никому,
Оттого я страдать обреченъ,
Оттого я людьми заклейменъ
И не нуженъ я имъ потому,

Никому никогда я не лгалъ.
Оттого жизнь печально течетъ.
Мнѣ чужды и любовь, и почетъ
Тѣхъ, чья мысль, это — лживый закалъ.

И не знаю дороги туда,
Гдѣ смѣется продажная лесть.
Но душѣ утѣшеніе есть:
Я не лгалъ никому никогда.

ПОДЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ „ОБРЫВА".

Я прочиталъ „Обрывъ", поэму Гончарова...
Согласна ль ты со мной, что Гончаровъ—поэтъ?
И чувствъ изобразить я не имѣю слова,
И, кажется,— словъ нѣтъ.

Я полонъ женщиной, я полонъ милой Вѣрой,
Я преклоняюся, я плачу, счастливъ я!
Весна въ душѣ моей! я слышу соловья, —
На улицѣ жъ — день сѣрый.

И какъ не слышать мнѣ любви пѣвца ночного
И какъ не чувствовать и солнце, и весну,
Когда прочелъ сейчасъ поэму Гончарова
И вспомнилъ юности волну!

А вмѣстѣ съ юностью своею я вспомнилъ „Вѣру"
Страданій Райскаго поэзію, обрывъ,
Я вспомнилъ страсть свою, я вспомнилъ въ счастье вѣру,
Идеи ощутивъ.

И я хочу борьбы за право наслажденья,
Побѣды я хочу надъ гордою душой,
Оберегающей такъ свято убѣжденья,
Не выдержавшей бой.

Великъ свободный Маркъ, рѣшительный, правдивый,
Завѣты стариковъ не ставящій во грошъ;
Онъ сдѣлалъ женщину на мигъ одинъ счастливой,
Но какъ тотъ мигъ хорошъ!

Да знаете ли вы, вступающіе въ споры,
Вы, проповѣдники „законности" въ любви, —
Что счастье не въ лѣтахъ, а лишь въ зарницѣ взора, —
Да, знаете ли вы?!.

И я, клянусь, отдамъ за дивное мгновенье,
Взаимность ощутивъ того, кого люблю, —
Идеи и мечты, желанья и волненья,
И даже жизнь свою.

ОКТАВЫ.

Хочу туда — гдѣ море бирюзово,
Гдѣ у звѣзды сочнѣе лепестки,
Гдѣ спитъ палачъ — вулканъ на стражѣ зова,
Гдѣ отъ избытка счастья — вздохъ тоски...
Хочу туда, гдѣ чувствуютъ грозово,
А потому — раздолія узки!
Звучи, душа, въ мечтаньяхъ замирая...
Но край ли то? миражъ ли только края?

Вездѣ лазорь, повсюду померанцы,
Надменность пальмъ и лунь лимонныхъ рощъ,
На женскихъ лицахъ спѣлые румянцы,
Весь музыка — алмазно-струйный дождь.
Тамъ вѣчный пиръ и музыка, и танцы,
Побѣдный кличъ и дерзостная мощь!..
Я вся — полетъ подъ ураганомъ зова!..
Хочу туда — любить тебя грозово!

КОГДА НОЧАМИ...

Когда ночами все тихо-тихо,
Хочу веселья, хочу огней,
Чтобъ было шумно, чтобъ было лихо,
Чтобъ свѣтъ отъ люстры гналъ сонмъ тѣней!

Дворецъ безмолвенъ, дворецъ пустыненъ,
Беззвучно шепчетъ мнѣ рядъ легендъ...
Ихъ смыслъ болѣзненъ, сюжетъ ихъ длиненъ,
Какъ змѣи черныхъ ползучихъ лентъ...

А сердце плачетъ, а сердце страждетъ,
Вотъ-вотъ порвется, того и ждешь...
Вина, веселья, мелодій жаждетъ,
Но ночь замкнула, — гдѣ ихъ найдешь?

Сверкните, мысли! разсмѣйтесь, грезы!
Пускайся, Муза, въ экстазный плясъ!
И что намъ — призракъ! и что — угрозы!
Искусство съ нами, — и Богъ за насъ!..

Мыза „Ивановка“, Охотничій дворецъ Павла I.

ДУРАКЪ.

Жилъ да былъ въ селѣ „Гуляйномъ“ дьякъ-дуракъ,
Глоткой — прямо первый сортъ, башкою — бракъ.
Разъ объѣлся пирогами, — да въ баракъ,
А поправился, купилъ потертый фракъ,
Да съ Ѳеклушею вступить желаетъ въ бракъ.
Али ты, дуракъ, своей свободѣ врагъ?
А зачѣмъ, дуракъ, ночной бываетъ мракъ?
А зачѣмъ, дуракъ, у лѣса есть оврагъ?
Али съѣстъ тебя, дуракъ, въ оврагѣ ракъ?
Вотъ-то дурень, дуралей-то! вотъ дуракъ!

ПИСЬМО ѲЕКЛЫ.

Ты послушай меня, мой суразный! ты послушай меня, мой уклюжій:
Кровью сердце мое истекаетъ, ты любовью мнѣ сердце запрудь.
Ахъ, багряно оно изручьилось, запеклось въ лиловатыя лужи,
Поизсякло ключистое сердце, поизсохла цвѣтущая грудь!

На деревнѣ калякаютъ дѣвки (любопытство у горя на стражѣ!):

„Знать, у Ѳеклы запачкана совѣсть, или бремени ждетъ въ животѣ:
Потому что изъ солнечной дѣвки, веселящей, здоровой и ражей,
Стала попросту старой унылкой, на какой-то споткнулась мечтѣ.

Вотъ еще и вчера, Евфросинью повстрѣчавъ на покосѣ, священникъ
(Нынче новый въ селѣ; я не знаю, какъ зовутъ молодого попа)
Говорилъ: Вотъ какая-то Ѳекла, мнѣ сказали, мутится отъ денегъ,
Все боится воровъ, скопидомка, ну а замужъ — должно быть глупа.

Заклевали меня, оболгали! Изъ веселой когда-то, изъ смѣлой
Стала я, отъ любви безысходной, мокрой курой и дурой для всѣхъ.
Пожалѣй же меня, мой уклюжій! Полюби же меня, мой умѣлый!
Разгрѣшилась на дѣвкѣ деревня — значитъ дѣвку попутаетъ грѣхъ!

Веймарнъ.

НАРОДНАЯ.

Солнце Землю цѣловало,—
Сладко жмурилась Земля.
Солнце Землю баловало,
Сыпля злато на поля.

Солнце ласково играло
Въ простодушной похвальбѣ.
И Земля его избрала
Въ полюбовники себѣ

И доколѣ будетъ длиться.
Ихъ немудрая любовь,
Будетъ міръ въ цвѣты рядиться,
Въ зелень вешнюю луговъ!

НА ПРИСТАНИ.

Сидѣлъ на пристани я ветхой,
Ловя мечтанья тихихъ струй,
И посылалъ сухою вѣткой
Тебѣ, далекой, поцѣлуй.

Сидѣлъ я долго-долго-долго
Отъ всѣхъ вдали и въ тишинѣ.
Вдругъ ты, пластичная какъ Волга,
Прошла по правой сторонѣ.

Мы увидались безсловесно,
Мы содрогнулись — каждый врозь.
Ты улыбалась мнѣ прелестно,
Я цѣловалъ тебя насквозь.

И я смотрѣлъ тебѣ вдогонку,
Пока не скрылась ты въ лѣсу,
Подобна чистому ребенку,
Съ мечтою: „все перенесу"...

День засыпалъ, поля морозя
Съ чуть зеленѣющей травой...
Ты вновь прошла, моя Предгрозя,
И вновь кивала головой.

Мыза „Ивановка",

ПРЕДГРОЗЯ.

... Вы помните „Не знаю"
Баратынскаго?..

Хороша кума Матреша!
Глазки — огоньки,
Зубки — жемчугъ, косы — русы,
Губки — лепестки.
Что ни шагъ — совсѣмъ лебедка,
Взглянетъ — что весна;

Я зову ее Предгрозей —
    Такъ томитъ она.
Но строга она для парней,
    На нее не дунь...
А какая ужъ тамъ строгость,
    Коль запѣлъ іюнь!
Полдень дышитъ — полдень душитъ.
    Выйдешь на балконъ
Да „запустишь"— ради скуки —
    Старый граммофонъ.
Понесутся на деревню
    „Фаустъ", „Трубадуръ",—
Защекочетъ сердце дѣвкѣ
    Крылышкомъ амуръ.
Глядь,— идетъ ко мнѣ Предгрозя,
    Въ паркъ идетъ ко мнѣ;
Тѣло вдругъ захолодѣетъ,
    Голова — въ огнѣ.
— Милый кумъ...—
                    — Предгрозя... ластка!..—
    Спазмы душатъ рѣчь...
О, и что это за радость,
    Радость нашихъ встрѣчъ!
Сядетъ дѣвушка, смѣется,
    Взоръ мой жадно пьетъ.
О любви, о жгучей страсти
    Намъ іюнь поетъ.
И поетъ ея сердечко,
    И поютъ глаза;
Грудь колышится волною,
    А въ груди — гроза.
Развѣ тутъ до граммофона
    Глупой болтовни?
И усядемся мы рядомъ
    Въ липовой тѣни.
И молчимъ, молчимъ въ истомѣ,
    Слушая, какъ лѣсъ

Намъ поетъ о счастьѣ жизни
Призрачныхъ чудесъ.
Мнится намъ, что въ этомъ небѣ
Намъ блестятъ лучи;
Грезимъ мы, что въ этихъ ивахъ
Намъ журчатъ ключи.
Счастливъ я, внимая струямъ
Голубой рѣки,
Гладя пальцы загорѣлой,
Милой мнѣ руки.
Хорошо и любой,— вижу,
Вижу по глазамъ,
Что нашептываютъ сказки
Вѣрящимъ цвѣтамъ.
И склоняется головка
Дѣвушки моей
Ближе все ко мнѣ, и жарче
Пѣснь ея очей.
Ручкой теплою любовно
Голову мою
Гладитъ долго, повѣряя
Мнѣ бѣду свою:
„Бѣдность точитъ, бѣдность губитъ;
Полонъ ротъ заботъ;
Развѣ тутъ похорошѣешь
Отъ ярма работъ?
Лѣтомъ все же перебьешься,
А зимой что ѣсть?
По нуждѣ идешь на мѣсто,—
То-то вотъ и есть“.
Мнѣ взгрустнется поневолѣ,
Но безсиленъ я:
Ничего я не имѣю,
Бѣдная моя.
Любишь ты свою деревню,—
Вѣрю я тебѣ.
Дочь природы, дочь простора,
Покорись судьбѣ.

А она уже смѣется,
Слезку съ глазъ смахнувъ,
И ласкается, улыбкой
Сердце обманувъ.
Я прижмусь къ ней,— затрепещетъ,
Нѣжитъ и пьянитъ,
И губами ищетъ губы,
И томитъ, томитъ.
Расцѣлую губки, глазки,
Шейку, волоса,—
И ищи потомъ гребенки
Цѣлыхъ два часа.
... Солнце сѣло, и туманы
Грезятъ надъ рѣкой...
И бѣжитъ Предгрозя паркомъ,
Что есть силъ, домой;
И бѣжитъ, мелькая въ липахъ,
Съ крикомъ: „не скучай —
Я приду къ тебѣ по утру,
А пока — прощай!..“

МОЯ ДАЧА.

Моя зеленая избушка —
Въ старинномъ паркѣ надъ рѣкой.
Какое здѣсь уединенье!
Какая глушь! Какой покой!

Немного въ сторону — плотина
У мрачной мельницы; за ней
Сонлива бѣдная деревня
Безъ вѣры въ бодрость лучшихъ дней.

Гдѣ въ паркъ ворота,— словно призракъ,
Стоитъ заброшенный дворецъ;
Онъ обветшалъ, напоминая
Безъ драгоцѣнностей ларецъ.

Мой паркъ угрюмъ: въ немъ много тѣни;
Сильны столѣтніе дубы;
Разросся онъ; въ травѣ дорожки;
По сторонамъ растутъ грибы.

Мой паркъ красивъ: бѣлѣютъ урны;
Видны съ искусственныхъ террасъ
Рѣка, избушки, царскій домикъ...
Тамъ хорошо въ вечерній часъ.

КТО ИДЕТЪ?

Кто идетъ? какой пикантный шагъ!
Это ты ко мнѣ идешь!
Ты отдашься мнѣ на ландышахъ
И, какъ ландышъ, расцвѣтешь!

Будутъ ласки небывалыя,
Будутъ лепеты безъ словъ...
О, мечты мои усталыя,
Сколько зрѣетъ вамъ цвѣтовъ!

Ты — дитя простонародія,
Много звѣздъ въ моей судьбѣ...
Но тебѣ — моя мелодія
И любовь моя — тебѣ!

Мыза „Ивановка“

И РЫЖИКЪ, И ЛАНДЫШЪ, И СЛИВА.

I.

Природа всегда молчалива,
Ея красота въ нѣмотѣ.
И рыжикъ, и ландышъ, и слива
Безмолвно стремятся къ мечтѣ.

Ихъ губятъ то птицы, то черви,
То люди ихъ губятъ; но злакъ
Лазуритъ спокойствіе въ нервѣ,
Не зная словесныхъ клоакъ.
Какъ жили бы люди красиво,
Какой бы свѣтились мечтой,
Когда бы (скажу для курсива):
Ихъ Богъ одарилъ нѣмотой.
Безмолвіе только — стыдливо,
Стыдливость близка Красотѣ.
Природа всегда молчалива,
И счастье ея — въ нѣмотѣ.

II.

Постой... Что чирикаетъ чижикъ,
Летящій надъ зрѣлымъ овсомъ?
— И слива, и ландышъ, и рыжикъ
Всегда и вездѣ, и во всемъ:
И въ осахъ, и въ синихъ стрекозахъ,
И въ рѣкахъ, и въ травахъ, и въ пняхъ,
И въ сочно-пасущихся козахъ,
И въ борзо-бѣгущихъ коняхъ,
И въ заревѣ грядковыхъ ягодъ,
И въ нимфахъ заклятыхъ прудовъ,
Въ палитрѣ сіяющихъ радугъ,
И въ дымныхъ домахъ городовъ.
Природа всегда безсловесна,
И звуки ея — не слова.
Деревьямъ, повѣрь, не извѣстно —
Чѣмъ грезитъ и дышитъ трава...
Мечтанья алѣющихъ ягодъ
Неясны пчелѣ и грибамъ.
Мгновенье имъ кажется за годъ;
Все въ мірѣ приходитъ къ гробамъ.

III.

Я слышу, надъ зарослью рѣчекъ,
Гдѣ ночь — бирюзы голубѣй,
Какъ внемлетъ ажурный кузнечикъ
Словамъ голубыхъ голубей:
„И рыжикъ, и слива, и ландышъ
Безмолвно стремятся къ мечтѣ.
Имъ мигъ ослѣпительный данъ лишь,
Проходитъ ихъ жизнь въ нѣмотѣ.
Но слушай! въ природѣ есть громы
И бури, и штормы, и дождь.
Вторгаются вихри въ хоромы
Спокойно мечтающихъ рощъ.
И губятъ, и душатъ былинки,
Листву, насѣкомыхъ, цвѣты,
Срывая съ цвѣтовъ пелеринки,
Но мы беззаботны, какъ ты.
Мы всѣ, будетъ время, погибнемъ, —
Законъ измѣненія формъ.
Пусть гимну отвѣтствуетъ гимномъ
Намъ зломъ угрожающій штормъ.
Она справедлива — стихія —
Умретъ, что должно умереть.
Налеты ея огневые
Повсюду: и въ прошломъ, и впредь.
Возславимъ грозовые вихри:
Міры освѣжаетъ гроза.
И если бъ стихіи затихли,
Богъ, въ горѣ, закрылъ бы глаза.
Но помни: Безсмертное — живо!
Стремись къ величавой мечтѣ!
Величье всегда молчаливо,
И сила его — въ нѣмотѣ!"

Дылицы.

БѢЛАЯ УЛЫБКА.

Мистическая поэма.

Ты помнишь?— Въ средніе вѣка
Ты былъ мой властелинъ...
М. Лохвицкая.

I.

Есть въ лѣсу, гдѣ шелковыя пихты,
Дней былыхъ охотничій дворецъ.
Есть о немъ легенды. Слышать ихъ ты
Если хочешь, вѣрь, а то — конецъ!..
У казны купилъ дворецъ помѣщикъ,
Да полвѣка умеръ онъ ужъ вотъ;
Послѣ жилъ лѣтъ семь старикъ-объѣздчикъ,
А теперь никто въ немъ не живетъ.
Разъ случилось такъ: собралось трое
Насъ, любившихъ старые дома,
И, хотя мы были не герои,
Но легендъ истлѣвшіе тома
Вызывали въ насъ подъемъ духовный,
Обостряли нервы до границъ;
Сердце билось пѣснею неровной,
И отъ жути взоръ склонялся ницъ.
И пошли мы въ темные покои,
Подъ лучами солнца, какъ щита.
Намъ кивали бѣлые левкои
Грустно вслѣдъ, свѣтлы какъ нищета.
Долго шли мы амфиладой комнатъ,
Удивленно слушавшихъ шаги;
Да, покои много звуковъ помнятъ,
Но, какъ звякнутъ, — въ сторону бѣги!..
На широкихъ дѣдовскихъ диванахъ
Присѣдали мы, — тогда въ углахъ
Колыхались на обояхъ рваныхъ
Паутины въ солнечныхъ лучахъ.

Усмѣхались намъ каріатиды,
Удержавъ ладонью потолки.
Въ ихъ глазахъ — застывшія обиды;
Только устъ дрожали уголки...
Но одна изъ этихъ вѣчныхъ статуй
Какъ-то странно мнилась мнѣ добра;
И смотрѣлъ я, трепетомъ объятый,
На нее, молчавшую у бра.
Жутко стало мнѣ; но на порогѣ,
Посмотрѣвъ опять изъ-за дверей
И ее увидѣвъ, весь въ тревогѣ,
Догонять сталъ спутниковъ скорѣй.
Долго-долго бѣлая улыбка
Бѣлыхъ устъ тревожила меня...
Долго-долго сердце шибко-шибко,
Шибко билось, умереть маня.

II.

На чердакъ мы шли одной изъ лѣстницъ,
И скрипѣла лѣстница, какъ кость.
Ждали мы таинственныхъ предвѣстницъ
Тѣхъ краевъ, гдѣ греза наша — гость.
На полу — осколки, хламъ и ветошь,
Было сорно, пыльно; а въ окно
Заглянуло солнце... Ну, и свѣтъ ужъ
Лило къ намъ насмѣшливо оно!
Это солнце было не такое,
Какъ привыкли солнце видѣть мы —
Мертвое, въ задумчивомъ покоѣ,
Иначе блеститъ оно для тьмы;
Этотъ свѣтъ не грѣетъ, не покоитъ,
Въ немъ безсильный любопытный гнѣвъ.
Я молчу... Мнѣ страшно... Сердце ноетъ...
Каменѣютъ щеки, поблѣднѣвъ...

III.

Это — что? откуда? что за диво!
Смотримъ мы и видимъ — у трубы
Перья... Кровь... Въ окно кивнула ива,
Но молчитъ отчаяньемъ рабы.
Бѣлая, какъ снѣгъ крещенскій, птица
На сырыхъ опилкахъ чердака
Умирала тихо... Съ ней проститься
Присланъ былъ я кѣмъ издалека?..
Разумъ мой истерзанъ былъ, какъ перья
Снѣжной птицы, умерщвленной кѣмъ?
Въ этомъ домѣ, царствѣ суевѣрья,
Я молчалъ, догадкой сердца нѣмъ...
Вдругъ улыбка бѣлая на клювѣ
У нея расплылась, потекла...
Умъ застылъ, а сердце, какъ Везувій,
Затряслось, — и въ рамѣ два стекла
Дребезжали отъ его біенья
И звенѣли, тихо дребезжа...
Я внималъ, въ гипнозѣ упоенья,
Хлыстикамъ полившаго дождя.
И казалось мнѣ, что съ пьедестала
Отошла сестра каріатидъ
И бредетъ по комнатамъ устало,
Напѣвая отзвукъ панихидъ.
Вотъ скрипятъ на лѣстницѣ ступени,
Вотъ хрипитъ на ржавой мѣди дверь...
И въ глазахъ лилово, — отъ сирени,
Иль отъ страха, знаю ль я теперь!..
Какъ нарочно, спутники безмолвны...
Гдѣ они? Не вижу. Гдѣ они?
А вдали бушуютъ гдѣ-то волны...
Сумракъ... дождь... и молніи огни...
— Защити! Спаси меня! Помилуй!
Не хочу я бѣлыхъ этихъ устъ!.. —
Но она ужъ близко, шепчетъ: „милый“...
Этотъ мертвый звукъ, какъ бездна, пустъ...

Каюсь я, и вижу — крѣпнетъ солнце,
Все властнѣе вспыхиваетъ лучъ
И ко мнѣ сквозь мокрое оконце,
Какъ надежда, свѣтитъ изъ-за тучъ.
Все бодрѣй, ровнѣй біенья сердца,
Веселѣетъ быстро все кругомъ.
Я бѣгу... вотъ лѣстница, вотъ дверца, —
И разстался съ домомъ, какъ съ врагомъ.

IV.

Какъ киваютъ мнѣ любовно клены!
Какъ смѣются розы и сирень!
Какъ лужайки весело-зелёны,
И тюльпановъ каски набекрень!
Будьте вы, цвѣты, благословенны!
Да сіяй во вѣки солнца свѣтъ!
Только тѣ спасутся, кто нетлѣнны!
Только тотъ прощенъ, кто далъ отвѣтъ!

„Ивановка“.
Охотничій дворецъ.

II.

ЛУННЫЯ ТѢНИ.

ПРЕЛЮДІЯ.

Лунныя тѣни — тѣни печали —
Бродятъ безшумной стопой
Въ черномъ, какъ горе земли, покрывалѣ
Призрачной робкой толпой.

Многихъ любовно и нѣжно качали,
Чутко давали отвѣтъ...
Лунныя тѣни, тѣни печали,
Мой повторятъ силуэтъ!..

СОНЕТЪ.

Я полюбилъ ее зимою
И розы сѣялъ на снѣгу
Подъ чернолѣсья бахромою
На запустѣломъ берегу.
Луна полярная, надъ тьмою
Всходя, гнала сѣдую мгу,
Встрѣчаясь съ вѣдьмою хромою,
Поднявшей снѣжную пургу.

И, слушая, какъ стонетъ вьюга,
Дрожала бѣдная подруга,
Какъ беззащитная газель;

И слушалъ я, исполненъ гнѣва,
Какъ выла злобная метель
О смерти зимняго посѣва.

Мыза „Ивановка“.

ИЗЪ СЮЛЛИ-ПРЮДОМА.

„Ne jamais la voir, ni l'entendre“..

Мнѣ никогда не видѣть, не слыхать
И не назвать ее мнѣ никогда.
Но вѣрнымъ быть, ее любовно ждать,
Любить ее — всегда!

Къ ней руки простирать, молить, дрожать
И ихъ сомкнуть безъ цѣли... Не бѣда:
Вѣдь снова къ ней, вѣдь снова продолжать
Любить ее всегда!

Ахъ, только бы надѣяться, мечтать
И въ этихъ слёзахъ таять, какъ вода...
Какъ радостно мнѣ слезы проливать,
Любить ее всегда!

Мнѣ никогда не видѣть, не слыхать
И не назвать ее мнѣ никогда.
Но звать ее, ее благословлять,
Любить ее — всегда!

ТРІОЛЕТЪ.

Ты мнѣ желанна, какъ морю — буря,
Тебѣ я дорогъ, какъ бурѣ — штиль.
Насъ любитъ море... И, каламбуря
Съ порпурнымъ небомъ: „какъ морю — буря,
Она желанна“,— на сотни миль
Рокочутъ волны, хребты пурпуря
Зарей вечерней: „...какъ морю — буря...
...Какъ бурѣ — штиль...“

САРОНСКАЯ ФАНТАЗІЯ.

Посвящено Грааль-Арельскому.

Царица я народамъ мнѣ подвластнымъ
Но ты, дитя, зови меня — Балькисъ.

Мирра Лохвицкая.

Давно когда-то; быть можетъ, это въ миѳѣ;
Гдѣ померанецъ и пальма, и лимонъ;—
Къ царицѣ Савской, къ прекрасной Суламиѳи,
Пришелъ забыться премудрый Соломонъ.

Пришелъ нежданно, пришелъ отъ пышныхъ кляузъ,
Уставъ отъ царства, почета и песка,—
Чтобъ въ бѣлогрудьи запрятать умъ, какъ страусъ,
Чтобъ выпить губы — два алыхъ лепестка.

Іюлилъ вечеръ, мечтая звѣзды высѣчь...
„Нарцисъ Сарона“ прилегъ подъ кипарисъ...
И та, которой дано именъ сто тысячъ,
Всѣ промѣняла на арфное — Балькисъ.

27 АВГУСТА 1912.

Двадцать седьмое августа; семь лѣтъ
Со дня кончины Лохвицкой; седьмая
Приходитъ осень, вкрадчиво внимая
Моей тоскѣ: старуха въ желтый плэдъ
Закутана, но вздрагиваетъ зябко.
Огрязнены дороги, но дождей
Недѣля — нѣтъ. Дѣвчонка - косолапка
На солнышкѣ искомкалась. Желтѣй,
Румянѣй листъ: земля заосенѣла.

Коровница,— въ мелодіяхъ Фенелла,—
На цитрѣ струны щупаетъ. Она
Такъ молода, и хочется ей звуковъ;

Какихъ — не все равно ли? Убаюкавъ
„Игрою“ куръ, взгрустила — и блѣдна.
На зелени лужка бѣлѣетъ чепчикъ:
Опять княгиня яблоки мнѣ шлетъ,
И горничная Катя,— алодѣвчикъ,—
Торопится лужайку напролетъ...

Веймарнъ, мыза „Пустомержа“.

МОРСКАЯ ПАМЯТКА.

Сколько тайной печали, пустоты и безнадежья
Въ наростающемъ морѣ, прибѣгающемъ ко мнѣ,
Въ тишинѣ симфоничной, въ малахитовомъ изнѣжьѣ,
Мнѣ цѣлующемъ ноги въ блекло-шумной тишинѣ.

Только здѣсь, у прибоя, заглушающаго птичье
Незатѣйное пѣнье, озаряющее лѣсъ,
Познаю, просвѣтленный, преимущество величья
Земно-водной пучины надъ пучиною небесъ...

1912. Августъ. Эстляндія,
Іеве, деревня „Тойло“.

ВНѢ.

Ивану Лукашу.

Подъ гульливые взвизги салазокъ
Сядемъ, дѣтка, моя, на скамью.
Олазорь незабудками глазокъ
Обнищавшую душу мою!
Пусть я жизненнымъ опытомъ старше,—
Научи меня жить, научи!—
Подъ шаблонно-красивые марши,
Подъ печально-смѣшные лучи.
Заглушите мой вопль, кирасиры!
Я — въ сумбурѣ расплывшихся зорь...
Воспріятія хмуры и сиры...
Олазорь же меня, олазорь!

Я довѣрьемъ твоимъ не играю,
Мой порывъ, дорогая, глубокъ.
Голубокъ, я тебѣ довѣряю,
Научи меня жить, голубокъ!
Не смотрите на насъ, конькобѣжцы:
Нашу скорбь вы сочтете за шаржъ.
Веселитесь, другъ друга потѣшьте
Подъ лубочно-раскрашенный маршъ.
Намъ за вашей веселостью шалой
Не угнаться съ протестнымъ бичомъ...
Мы съ печалью, какъ міръ обветшалой,
Крѣпко дружимъ, но — вы-то при чемъ?
Мы для васъ посторонніе люди,
И у насъ съ вами общее — рознь:
Мы въ мелодіяхъ смутныхъ прелюдій,
Ваши пѣсни — запѣтая кознь.
Мы — внѣ васъ, мы одни, мы устали...
Что вамъ надо у нашей скамьи?
Такъ скользите же мимо на стали,
Стальносердные братья мои!..

ЗАМУЖНИЦА.

Е. Я.

Истражденный, хочу одѣвить,
Замужница, твои черты:
Невидѣнная мною девять
Осеннихъ лѣтъ, ты — снова ты!

Смѣющаяся, въ отстраданьи,
Утихшая — ...іюнь въ саду...—
Растративши дары и дани,
Пристулила въ седьмомъ ряду.

Я — солнечникъ и лью съ эстрады
На публику лучи поэзъ.
Ты, слушая, безгрёзно рада
(Будь проклята приставка „безъ"!)

Но можетъ быть мое явленье,
Не нужное тебѣ совсѣмъ,
Отторгнуло тебя отъ лѣни,
Пьянительнѣй моихъ поэмъ?

Напомнило, что блеклыхъ девять
Осеннихъ лѣтъ твои черты
Суровѣютъ, что ихъ одѣвить
Въ отчаяньи не можешь ты...

1912. Ночь подъ Рождество.

ПОРТНИХА.

Ты приходишь утомленная, невеселая, угаслая,
И сидишь въ изнеможенiи, безъ желанiй и безъ словъ...
Развернешь газету — хмуришься, отъ себя ее отбрасывая:
Тутъ уже не до политики! тутъ уже не до баловъ!

Свѣтлый день ты проработала надъ капотомъ мессалиновымъ
(Вотъ иронiя! — для женщины изъ разряда „мессалинъ"!).
Ахъ, не разъ усмѣшка ѣдкая по губамъ твоимъ малиновымъ
Пробѣгала при заказчицѣ, идеалъ которой — „блинъ"...

Въ мастерской — отъ вздорныхъ дѣвочекъ — шумъ такой же, какъ на митингѣ,
Голова болитъ и кружится отъ болтливыхъ мастерицъ...
Не мечтать тебѣ, голубушка, о валькирiяхъ, о викингѣ:
Наработаешься за день-то, къ вечеру — не до царицъ!

БУДЬ СПОКОЙНА.

Будь спокойна, моя деликатная,
Робко любящая и любимая:
Ты вѣдь осень моя ароматная,
Нѣжно-грустная, необходимая...

Лишь въ тебѣ нахожу исцѣленіе
Для души своей обезвопросенной
И весною своею осеннею
Приникаю къ твоей вешней осени...

1912. Іюль. День Игоря.
Ст. Елизаветино,
село „Дылицы“.

МОЯ УЛЫБКА.

Моя улыбка слезы любитъ,
Тогда лишь искренна она,
Тогда лишь взоръ она голубитъ,—
И въ душу просится до дна.

Моей улыбкѣ смѣхъ обиденъ,
Она печалью хороша.
И если лучъ ея не виденъ,
Во мнѣ обижена душа.

Мыза „Ивановка“.

ЗВѢЗДЫ.

Безсонной ночью съ шампанскимъ чаши
Мы поднимали и пѣли тосты
За жизни счастье, за счастье наше.
Сіяли звѣзды.

Вино шипѣло, вино играло.
Пылали взоры и были жарки.
— Идеи наши,— ты вдругъ сказала:
Какъ звѣзды — ярки!

Полились слёзы, восторга слёзы...
Минуты счастья! я вижу васъ ли?
Запѣло утро. Сверкнули грёзы.
А звѣзды... гасли.

ПРОСТИТЬ? НИКОГДА!

Какой изнурительный сонъ!..
Я шелъ и твой домъ повстрѣчалъ.
Была на крыльцѣ ты. Началъ
Былого конца лился звонъ.

Любовь во мнѣ снова зажглась
И сердце грозила смести.
— Прости, застоналъ я, прости! —
И брызнули слезы изъ глазъ.

Смотрю я: ты вздрогнула вся,
Ты вся измѣнилась въ лицѣ...
Я бился въ мечтѣ на крыльцѣ,
Тебя о прощеньи прося.

И ты, засверкавъ, хохоча,
Любя, какъ давно, какъ всегда,
Сказала: „простить? никогда!..“

— Гдѣ въ храмѣ потухла свѣча?.. —

ГОДЪ МИНОВАЛЪ.

Я съ рукава срываю крепъ:
Годъ миновалъ. Мой взоръ окрѣпъ,
Окрѣпъ отъ слезъ.

Такъ крѣпнетъ травка отъ дождя.
Такъ крѣпнетъ рать въ крови вождя.
И умъ — отъ грёзъ.

Горѣлово.

ОРѢШЕКЪ СЧАСТІЯ.

Въ цвѣтахъ стыдливости, въ мечтахъ веселья,
Въ душистомъ полымѣ своей весны,
Она пришла ко мнѣ, — и безъ похмелья
Пьянѣли дѣвственно поэта сны.

А сколько радости! а сколько счастья!
Ночей жасминовыхъ!.. фіалокъ нѣгъ!..
О, эта дѣвочка — вся гимнъ участья,
Вся — ласка матери, вся — человѣкъ!

Орѣшекъ счастія сберечь въ скорлупкѣ
Я не сумѣлъ тогда... Молчи, постой! —
Вѣдь нѣтъ... вѣдь нѣтъ ея, моей голубки,
Моей любовницы... моей святой!

СНѢГЪ ЯБЛОНЬ...

Снѣгъ яблонь — точно мотыльки,
А мотыльки — какъ яблонь снѣгъ.
Еще далеко васильки,
Еще далеко ночи нѣгъ.

И все — въ огнѣ, и все — въ цвѣту,
Благоухаетъ каждый вздохъ!..
Зову и жажду, — жажду ту,
Отъ чьихъ слезинокъ дыменъ мохъ!..

Мыза „Ивановка“.

РОНДО.

— Бери меня, — сказала, поблѣднѣвъ
И отвѣчая страстно на лобзанье...
Ея слова — грядущихъ золъ посѣвъ —
Ужальте мнѣ мое воспоминанье!

Я обхватилъ трепещущую грудь;
Какъ срѣзанный цвѣтокъ, ея головка
Склоняется въ истомѣ... „Смѣлой будь“,
Хотѣлъ сказать, но было такъ неловко...
— Возьми меня, — шепнула, поблѣднѣвъ,
Страдальчески глаза мои провѣривъ;
Но дальше — ни мазковъ, ни нотъ, ни перьевъ!..
То вся—любовь, то вся—кипучій гнѣвъ,
— Бери меня!—стонала, поблѣднѣвъ.

Мыза „Ивановка“.

НИЧЕГО НЕ ГОВОРЯ...

Это было такъ недавно,
Но для сердца такъ давно...
О фіалкѣ грезилъ западъ,
Отразивъ ее темно.
Ты пришла ко мнѣ — какъ утро,
Какъ весенняя заря,
Безмятежно улыбаясь,
Ничего не говоря.
Рѣчку сонную баюкалъ
Свѣтъ заботливой луны.
Гдѣ-то пѣсня колыхалась,
Какъ далекій плескъ волны.
И смотрѣлъ я, зачарованъ,
Ничего не говоря.
Какъ скрывала ты смущенье
Флеромъ — синимъ какъ моря.
О, молчанье нашей встрѣчи, —
Все тобой озарено!
Такъ недавно это было,
А для сердца такъ давно!..

А ЕСЛИ НѢТЪ?..

А если нѣтъ?.. А если ты ушла,
Чтобъ не притти ко мнѣ до панихиды?..
Кто дастъ отвѣтъ?
Одна лишь ты могла,
Но ты полна обиды...
А если нѣтъ?

Какая грусть... Какъ мраморна печаль...
Какъ высока, свята и вдохновенна!
Но пусть, но пусть:
Разбитая скрижаль —
Осколкомъ драгоцѣнна...
Какая грусть!

Мыза „Ивановка".

УТРЕННІЙ ЭСКИЗЪ.

Сегодня утромъ зяблики
Свистѣли и аукали,
А лодку и кораблики
Качели волнъ баюкали.

Надъ тихою деревнею
Дышали звуки вешніе,
И предъ избушкой древнею
Свѣтлѣла даль поспѣшнѣе.

Хотѣлось жить и чувствовать
Зарей студено-ясною.
Смѣяться и безумствовать
Мечтой — всегда напрасною!

Мыза „Ивановка".

У БЕЗДНЫ.

О, юность! о, вѣры восходъ!
О, сердца взволнованный садъ!
И жизнь улыбалась: „впередъ!“
И смерть скрежетала: „назадъ“...

То было когда-то тогда,
То было тогда, чего нѣтъ...
Клубились, звенѣли года—
Размѣрены, точно сонетъ.

Любилъ, измѣнялъ, горевалъ,
Зналъ смерти, невзгоды, нужду,
И жизнь, какъ пиратъ—моря валъ,
Добросила къ безднѣ. Я жду!

Я жду. Я готовъ. Я безъ латъ.
Щитъ согнутъ, и мечъ мой сдаетъ.
И жизнь мнѣ лепечетъ: „назадъ“...
А смерть торжествуетъ: „впередъ!“

НЕНУЖНОЕ ПИСЬМО.

Семь лѣтъ она не писала,
Семь лѣтъ молчала она.
Должно быть, ей грустно стало,
Но, впрочемъ, теперь весна.

Въ ея письмѣ ни строчки
О нашей горькой дочкѣ,
О тоскѣ, о тоскѣ,—
Спокойно перо въ рукѣ.

Письмо ничѣмъ не дышитъ,
Какъ вечеръ въ октябрѣ.
Она безстрастно пишетъ
О своей сестрѣ.

Меня настойчиво проситъ
Сестры ея не бросить:
„Вѣдь Вашъ отъ нея сынъ
Покинутъ. Одинъ, одинъ“.

Ахъ, что же я отвѣчу
И надо ли отвѣчать...
Но сегодняшній вечеръ
Будетъ опять, опять.

Веймарнъ.

ЗАРЕЮ ЖИЗНИ.

Зарею жизни я свѣтомъ грезилъ,
Всемірнымъ счастьемъ и вѣчнымъ днемъ!
Я былъ такъ пылокъ, такъ смѣлъ, такъ веселъ,
Глаза горѣли мои огнемъ.

Міръ рисовался—прекрасенъ, дивенъ.
Прожить—казалось—я могъ шутя...
Зарею жизни я былъ наивенъ,
Зарею жизни я былъ дитя!

Закатомъ жизни порывы стихли,
Изсякли силы, и жаръ погасъ.
Мнѣ жаль сердечно, не знаю,—ихъ ли,
Погибшей грезы ль, но—близокъ часъ.

Онъ, ироничный, пробьетъ безстрастно,
Я улетучусь, тоской объятъ...
Зарею жизни—все въ жизни ясно!
Закатомъ жизни—всему закатъ!

СПУСТЯ ПЯТЬ ЛѢТЪ.

Тебѣ, Евгенія, мнѣ счастье давшая,
Несу горячее свое раскаянье...
Прими, любившая, прими, страдавшая,
Пойми тоску мою, пойми отчаянье...

Вся жизнь изломана, вся жизнь истерзана,
Въ ошибкѣ юности—проклятье вѣчное...
Мечта изсушена, крыло подрѣзано,
Я не сберегъ тебя,—и жизнь—увѣчная...

Прости скорбящаго, прости зовущаго,
Быть можетъ—слабаго, быть можетъ—генія...
Не надо прошлаго: въ немъ нѣтъ грядущаго,—
Въ грядущемъ—прошлое... Прости, Евгенія!

СОНМЫ ВЕСЕННІЕ.

Сонные сонмы сомнамбулъ весны
Санно манятъ въ осіянные сны.

Четко ночами рокочутъ ручьи.
Звучныя рѣчи ручья горячи.

Плачутъ сирени подъ лунный рефрэнъ.
Очи хохочутъ песчаныхъ сиренъ.

Лунные плѣны былинной волны.
Сонные сонмы весенней луны.

ВЕСНА.

Вечеръ спалъ, и Ночь на сѣнѣ
Ужъ расчесывала кудри.
Одуванчики, всѣ въ пудрѣ,
Помышляли объ измѣнѣ.

Шелъ я къ Ночи,—Ночь навстрѣчу,
Повстрѣчалися безъ рѣчи...
—Поцѣлуй...—„Я не перечу"...
И—опять до новой встрѣчи.

Шелъ я дальше. Незнакомка
Улыбалась мнѣ съ поляны.
Руки гнулись, какъ ліаны,
И она смѣялась громко.

Вмѣсто глазъ синѣли воды
Обольстительнаго юга,
Голосъ страстный пѣлъ, какъ вьюга,
А вкругъ шеи хороводы

Заводили гіацинты
Съ незабудками съ канавокъ...
Я имѣлъ къ миражамъ навыкъ,
Зналъ мечтаній лабиринты,—

И пускай, кто хочетъ, труситъ,
Но не мнѣ такая доля.
И сказалъ я: „дѣва съ поля,
Кто же имя дѣвы вкуситъ?"

Уже, уже нить лѣсная,
Комаровъ порхаютъ флоты...
Тутъ ее спросилъ я: „кто ты?"
И прозвякала: Весна—я!

ПОДЪ НАСТРОЕНЬЕМЪ ЧАЙНОЙ РОЗЫ.

1. Октава.

Отъ вздоховъ папиросъ вся комната вуалевая...
Свой абрисъ набросалъ на книгѣ абажуръ.
Въ вазеткѣ на столѣ тоскуетъ роза палевая,
И вѣтерокъ ее колышетъ, весь ажуръ.

Пугаетъ холодокъ... А вдохновенье, спаливая,
Зоветъ меня въ лѣса изъ копоти кануръ.
Я плащъ беру и вѣрный хлыстъ,
И чайной розы сонный листъ.

2. Газэлла.

И все мнѣ доносится чайная роза...
Зачѣмъ тосковала такъ чайная роза?

Ей въ грезахъ мерещились сестры пунцовыя...
Она сожалѣла ихъ, чайная роза.

Ее обнадежили тучи свинцовыя...
О! влага живительна, чайная роза...

Дыханьемъ поила закаты лиловые
И лепеты сумерекъ чайная роза...

Въ груди ея таяли чаянья новыя...
Ихъ пѣла случайная чайная роза.

Мыза „Ивановка".

ПОЭЗА О НЕЗАБУДКАХЪ.

Поетъ Іюнь, и пѣсни этой зной
Палитъ мнѣ грудь и грезы, и разсудокъ.
Я изнемогъ и жажду незабудокъ,
Дѣтей канавъ, что грезятъ подъ луной
Инымъ цвѣткомъ, иною стороной.
Я ихъ хочу: сирени запахъ жутокъ,
Онъ грудь пьянитъ несбыточной весной;
Я ихъ хочу: ихъ взоръ лазурный чутокъ,
И ароматъ цѣлебенъ, какъ просторъ.
Какъ я люблю участливый ихъ взоръ!

Стыдливыя, какъ томны ваши чары...
Нарвите мнѣ смѣющійся букетъ,
Въ немъ будетъ то, чего въ сирени нѣтъ,
А ты, сирень, увянь въ тоскѣ нектара.

Мыза „Ивановка“.

МОЙ САДЪ.

П. М. Кокорину.

Войди въ мой садъ... Давно одебренъ
Его, когда-то пышный, видъ.
Днемъ — золоченъ, въ лунѣ — серебрянъ,
Онъ весь преданьями овитъ.

Онъ постарѣлъ, онъ къ славѣ алченъ,
И можетъ быть — разскажетъ онъ,
Какъ потерялъ въ немъ генералъ чинъ,
Садясь въ опальный фаэтонъ...

И, можетъ быть, разскажетъ старецъ,
Какъ, много лѣтъ тому назадъ,
Графиня ѣхала въ Біаррицъ
И продала поспѣшно садъ;

Какъ онъ достался генеральшѣ,
Какъ было это тяжело,
И, можетъ быть, разскажетъ дальше,
Что вслѣдъ затѣмъ произошло...

А если онъ и не разскажетъ
(Не всѣхъ довѣрьемъ онъ даритъ...) —
Какихъ чудесъ тебѣ покажетъ!
Какія дива озаритъ!

И будешь ты, когда въ росѣ — лѣнь,
А въ сердцѣ — нѣга, созерцать
Періодическую зелень
И взоромъ ласково мерцать.

Переживать мечтой столѣтья,
О нихъ беззвучно разсуждать,
Ждать дѣвушекъ въ кабріолетѣ
И, не дождавшись ихъ, страдать...

Мой тихій садъ — въ лунѣ серебрянъ,
А въ солнцѣ — ярко золоченъ.
Войди въ него, душой одебренъ,
И сердцемъ свѣтелъ и смягченъ.

ТЫ НЕ ШЛА...

Карменситѣ.

Цѣлый день хохотала сирень
Фіолетово-розовымъ хохотомъ.
Солнце жалило высохшій день.
Ты не шла. (Можетъ быть, этотъ вздохъ о томъ)?
Ты не шла. Хохотала сирень,
Удушая пылающимъ хохотомъ...
Вдалекѣ, у слѣпыхъ деревень,
Пробѣжалъ паровозъ тяжкимъ грохотомъ.
Зло-презло хохотала сирень,
Убивая мечты острымъ хохотомъ.
Да. А ты все не шла — цѣлый день.
А я ждалъ. (Можетъ быть, этотъ вздохъ о томъ...?)
До луны хохотала сирень
Безпощадно-осмысленнымъ хохотомъ...
Ты не шла. Въ паркѣ влажная тѣнь.
Сердце ждетъ, сердце бѣсится грохотомъ.
— Отхохочетъ ли эта сирень?
Иль увянетъ, сожженная хохотомъ?!

Павловскъ.

НА СТРОЧКУ БОЛЬШЕ, ЧѢМЪ СОНЕТЪ.

Къ ея лицу шелъ черный туалетъ...
Изъ палевыхъ тончайшей вязи кружевъ
На скатахъ плечъ — подобье эполетъ...
Ея глаза, весь міръ обезоруживъ,
Влекли къ себѣ...

Садясь въ кабріолетъ
По вечерамъ, напоеннымъ росою,
Она кивала мужу головой
И жаждала душой своей живой
Упиться нивъ вечернею красою.

И вздрагивала лошадь, подъ хлыстомъ,
Въ сиреневой муаровой попонѣ...
И кленъ кивалъ израненнымъ листомъ.
Шуршала мгла...

Придерживая пони,
Она брала перо, фантазій стражъ,
Безсмертя мглы дурманящій миражъ...

Мыза „Ивановка“.

ГРАДЪ.

Дарю Дорину-Николаеву.

Качнуло небо гнѣвомъ грома,
Метнулась молнія,— и градъ
Въ водѣ запрыгалъ у парома,
Какъ серебристый виноградъ...

Вспорхнула искорка мгновенья,
Когда іюль дохнулъ зимой —
Для новыхъ думъ, для вдохновенья,
Для невозможности самой...

И поднялъ я бокалъ высоко,—
Блеснули мысли для наградъ...
Я пилъ вино,— и въ грезахъ сока
Въ моемъ бокалѣ таялъ градъ.

Мыза „Ивановка".

СОНЪ МСТИТЕЛЬНЫЙ.

Вошла въ мой сонъ: немного пополнѣвъ,
Все такъ же легкомысленна и лжива,
Все тѣ жъ духи и тотъ же все напѣвъ,—
И вотъ опять все прожитое живо!

Легко узнать въ чертахъ, всегда твоихъ,
Чрезъ много лѣтъ оскорбленныхъ громоздко,
Тѣхъ лѣтъ черты, когда звенѣлъ мой стихъ,
И ты была въ періодѣ подростка.

Легко узнать въ улыбкѣ Valerie,
Въ изыскахъ надушеннаго шиньона,
Дикарку въ бликахъ розовой зари,
Которую я называлъ: Миньона.

Но отчего жъ не тотъ же жгучій хлыстъ
Въ твоей рукѣ, въ перчаткѣ — элегантной,
А мальчикъ съ дохомъ, превращеннымъ въ свистъ,
Овалголовый, чахлый, крупногландный?

Я сновидѣньемъ сладко угнетенъ,
Не превозмочь растерянной улыбки:
Весна моя, пришедшая въ мой сонъ
Мнѣ отомстить за вешнія ошибки...

Веймарнъ.

ОБРЕЧЕННЫЙ.

Я говорю: отлѣтены лѣта
Падучихъ грезъ, недопитыхъ любовей.
Пріять одну, послѣднюю, готовѣй
Моя душа, угасомъ золота.

Но не смогу во-вѣки озабвѣть
То благостныхъ, то грозоносныхъ весенъ —
Какъ тамъ ни взвой, помѣшанная осень!
Какъ ни взрычи, берложный чортъ,— медвѣдь!

Распустится бывалая листва,
Изсохшая, истлѣвшая въ безцвѣтьѣ:
Я обреченъ, спустя мильонолѣтье,
На тѣ же лики, губы и слова...

Веймарнъ.
1913. Августъ.

ПРИНЦЕССА МИМОЗА.

Сказка въ тріолетахъ.

1.

Живетъ въ фарфоровомъ дворцѣ
Принцесса нѣжная Мимоза
Съ улыбкой грустной на лицѣ.
Живетъ въ фарфоровомъ дворцѣ..
Летаютъ въ гости къ ней стрекозы.
Жучки дежурятъ на крыльцѣ;
Живетъ въ фарфоровомъ дворцѣ
Принцесса нѣжная Мимоза.

2.

Она стыдлива и чиста,
И ручки бархатныя хрупки;
Нарядъ изъ скромнаго листа.
Она стыдлива и чиста,

Какъ вздохи дѣвственной голубки,
Какъ въ ранней юности уста.
Она стыдлива и чиста,
И ручки бархатныя хрупки.

3.

Дрожитъ сердечко, какъ струна
У арфы дивной, сладкозвучной:
Она впервые влюблена;
Поетъ сердечко, какъ струна,
И во дворцѣ теперь ей скучно,
Она давно не знаетъ сна;
Поетъ сердечко, какъ струна
У арфы громкой, сладкозвучной.

4.

Ея избранникъ, Мотылекъ,
Веселый, рѣзвый, златотканный,
Ей сдѣлалъ о любви намекъ;
Ея избранникъ, Мотылекъ,
Любимый ею и желанный,
Подноситъ стансы въ восемь строкъ;
Ея избранникъ, Мотылекъ,—
Поэтъ съ душою златотканной.

5.

Мимозу робко проситъ онъ
Дозволить слиться поцѣлуемъ,
Короткимъ, какъ волшебный сонъ;
Мимозу страстно проситъ онъ,
Любовью пылкою волнуемъ,
За поцѣлуй даетъ ей тронъ.
Мимозу умоляетъ онъ
Дозволить слиться поцѣлуемъ!

6.

Принцесса любитъ... Почему жъ
Его противиться желанью?
Притомъ онъ вскорѣ будетъ мужъ...
Принцесса любитъ... Почему жъ?!
Уже назначено свиданье,
И близится сліянье душъ;
Принцесса любитъ... Почему жъ
Противиться его желанью?

7.

Какъ обнадеженъ мотылекъ —
Поэтъ и юноша веселый!
Въ благоуханный вечерокъ
Къ ней подлетаетъ Мотылекъ.
Принцесса очи клонитъ долу,
Онъ наклоняется и — чмокъ!
Мимозу шустрый Мотылекъ, —
Поэтъ и юноша веселый.

8.

И вдругъ смежила вѣчнымъ сномъ
Глаза лазурные принцесса
Предъ потрясеннымъ Мотылькомъ.
Увы! Смежила вѣчнымъ сномъ.
Сокрыла счастіе завѣса,
И вѣетъ въ сердце холодкомъ
Когда смежила вѣчнымъ сномъ
Глаза невинные принцесса.

9.

Ея святая чистота —
Причина гибели Мимозы,
Что чище вешняго листа.
Въ любви духовной — чистота,

А не въ земной, рабынѣ прозы;
Есть для однѣхъ молитвъ уста,
И ихъ святая чистота —
Причина гибели Мимозы!

БѢЛАЯ ЛИЛІЯ.

Сказка въ тріолетахъ.

1.

Бѣлая Лилія, юная Лилія
Красила тихій и сумрачный прудъ.
Сердце дрожало восторгомъ идилліи
У молодой и мечтательной Лиліи.
Изрѣдка развѣ пруда изумрудъ
Шумно вспугнутъ лебединыя крылія.
Бѣлая Лилія, свѣтлая Лилія
Красила тихій и сумрачный прудъ.

2.

Бѣлую Лилію волны баюкали,
Ночи ласкали, исполнены чаръ.
Сердце ль застонетъ, томитъ его мука ли,
Лилію ласково волны баюкали.
Ей объяснялся въ любви Ненюфаръ,
Съ берега ей маргаритки аукали.
Бѣлую Лилію волны баюкали,
Ночи ласкали, исполнены чаръ.

3.

Всѣми любима, собою всѣхъ радуя,
Распространяя вокругъ ароматъ,
Тихо цвѣла, неподвижна какъ статуя,
Юная Лилія, очи всѣхъ радуя.

Грезно внемля, какъ, любовью объятъ,
Пѣлъ Ненюфаръ, на судьбу не досадуя,
Тихо цвѣла она, души всѣхъ радуя,
Нѣжный, какъ греза, лія ароматъ.

4.

Лодка изящная, лодка красивая,
Какъ-то, прорѣзала зеркало водъ;
Сразу нарушила жизнь ихъ счастливую
Лодка изящная, лодка красивая;
Весла ее подгоняли впередъ,
Заволновалося царство сонливое...
Лодка бездушная, лодка красивая
Грубо разбила все зеркало водъ.

5.

Дѣвушка блѣдная, дѣвушка юная
Воды вспугнула ударомъ весла.
Ночь просыпалась съ улыбкою лунною,
Дѣвушка плакала блѣдная, юная;
Скорбь у нея не сходила съ чела,
Арфа рыдала ея звонкострунная.
Дѣвушка кроткая, дѣвушка юная
Воды вспугнула ударомъ весла.

6.

— Бѣлая Лилія, юная Лилія,—
Дѣвушка вдругъ обратилася къ ней:
Какъ насъ сближаетъ съ тобою безсиліе...
Грустно мнѣ, Лилія, чистая Лилія.
Сердце страдаетъ больнѣй и больнѣй,
Счастье вѣрнуть напрягая усилія...
О, посочувствуй мнѣ, милая Лилія,—
Дѣвушка вдругъ обратилася къ ней.

7.

— Добрая дѣвушка, дѣвушка милая,—
Лилія грустно вздохнула въ отвѣтъ:
Чѣмъ облегчу я — безсильная, хилая —
Сердце твое, моя дѣвушка милая?
Кажется, мнѣ твой понятенъ секретъ:
Первое чувство сроднилось съ могилою?..
Правда ли, дѣвушка, дѣвушка милая?—
Лилія грустно вздохнула въ отвѣтъ.

8.

— Ты отгадала,— съ печальной улыбкою
Та отвѣчала, головку склонивъ:
Чувство мое оказалось ошибкою.
Ты отгадала,— съ печальной улыбкою
Молвила дѣвушка, грусть ощутивъ,
Молча слѣдя за играющей рыбкою;
Ты отгадала!— съ щемящей улыбкою
Дѣва сказала, головку склонивъ.

9.

Лилія скорбно вздохнула, растрогана
Этимъ признаніемъ, этой тоской.
— Знаешь?.. сорви меня, дѣва, для локона,—
Лилія тихо шепнула, растрогана:
Буду лелѣять твой локонъ златой.—
Ей для дыханья давала свой сокъ она,
Всю отдавала себя ей, растрогана
Робкимъ признаніемъ, страстной тоской.

10.

... И сорвала ее дѣва задумчиво,
Блѣдной прекрасной рукой сорвала...
И угасала осмысленно, вдумчиво
Лилія, снятая съ стебля задумчиво.

Снова раздались удары весла,
И Ненюфаръ запечалился влюбчивый...
Лилію бѣдную дѣва задумчиво
Блѣдной, прекрасной рукой сорвала.

11.

Бѣлая Лилія, чистая Лилія
Больше не красила сумрачный прудъ,
И не дрожала восторгомъ идилліи:
Бѣлая Лилія — мертвая лилія!..
Прудъ спитъ попрежнему... Развѣ, вспугнутъ
Сонъ иногда лебединыя крылія...
Бѣлая Лилія, свѣтлая Лилія
Больше не красила сумрачный прудъ...

СВѢТОСОНЪ.

Дѣвушкамъ ,,Тойла".

Отдайте вѣчность за мгновенье,
Когда въ немъ вѣчности покой!..
На днѣ морскомъ—страна Забвенья,
Въ ней повелитель — Водяной.
На днѣ морскомъ живутъ наяды,
Сирены съ душами медузъ;
Ихъ очи — грезовые яды,
Улыбки ихъ — улыбки музъ.
Когда смѣется солнце въ небѣ,
Король воды, какъ тайна, тихъ:
Вѣдь онъ не думаетъ о хлѣбѣ
Ни для себя, ни для другихъ!
Когда жъ, прельстясь лазурной сталью,
Приляжетъ въ море, какъ въ гамакъ,
Съ такой застѣнчивой печалью
И раскраснѣвшись, точно макъ,
Свѣтило дня, — въ свою обитель
Впустивъ молочный сонный паръ

Замыслитъ донный повелитель
Оледенить небесный жаръ:
Лишь Водяной подниметъ коготь,
Залентятъ нимфы хороводъ
И такъ лукаво станутъ трогать
И щекотать просонокъ водъ.
И волны, прячась отъ щекотки,
Сквозь сонъ, лѣниво заворчатъ
И, обозлясь, подбросятъ лодки,
Стремя рули въ грозовый чадъ.
Разсвирѣпѣетъ мощно море,
Какъ разозленный хищный звѣрь...
Поди, утѣшь морское горе!
Поди, уйми его теперь!
Какъ осудившіе потомки
Ошибки свѣтлыя отцовъ,
Начнетъ щепить оно въ обломки
Суда случайныя пловцовъ.
Оно взовьетъ изъ волнъ воронку,
Загрохотавъ, теряя блескъ,
Стремясь за облакомъ вдогонку —
Подъ гулъ и гамъ, и шумъ, и трескъ
А солнце, дремлющее сладко
На днѣ взбунтованныхъ пучинъ,
Уйдетъ — но какъ? его загадка!—
Распутавъ плѣнъ зеленый тинъ.
Оно уйдетъ, уйдетъ неслышно
И незамѣтно, точно годъ...
Пока пылаетъ буря пышно,
Оно таинственно уйдетъ...
Когда жъ палитрою востока
Сверкнетъ взволнованная сталь,
Свѣтило дня — душа пророка!—
Опять поднимется въ эмаль.
Одной небрежною улыбкой
Оно смиритъ волнистый гнѣвъ,—
И Водяной, смущенъ ошибкой,
Вздохнетъ, безсильно поблѣднѣвъ...

Спѣшите всѣ въ страну забвенья
Вы, изнуренные тоской!
Отдайте вѣчность за мгновенье,
Когда въ немъ вѣчности покой!..

ИНЭСЪ.

Фантастическая поэма.

О, пойми,—о, пойми,—о, пойми,
Въ цѣломъ свѣтѣ всегда я одна...
Мирра Лохвицкая.

1.

Давался блистательный балъ королемъ,
Пѣвучимъ владыкой Парнаса.
Сплывались галеры, кивая рулемъ,
Къ пробитью закатнаго часа.

2.

Въ нихъ плыли поэты, заслугой умовъ
Достигшіе доступа въ царство,
Гдѣ молніи блещутъ подъ хохотъ громовъ
И блещутъ притомъ безъ коварства.

3.

Шелъ часъ, когда солнце вернулось домой
Въ свои золотые чертоги,
И сумракъ спустился надъ міромъ нѣмой
Въ усѣянной звѣздами тогѣ.

4.

Свистали оркестры фарфоровыхъ трубъ,
Пѣлъ шелкъ перламутровыхъ скрипокъ;
И тотъ, кто недавно погасшій былъ трупъ,
Воскресъ въ воскресенье улыбокъ...

5.

Цвѣли, какъ мечтанья поэта, цвѣты
        Задорными дерзко тонами,
И рѣяли, зноемъ палитры, мечты
        Землѣ незнакомыми снами.

6.

Собрались всѣ гости. Огнемъ полонезъ
        Зажегся въ сердцахъ инструментовъ,—
И вышла къ гостямъ королева Инэсъ,
        Колдунья волшебныхъ моментовъ.

7.

Въ каштановой зыби спалъ мраморъ чела,
        Качалась въ волнахъ діадема.
И въ каждой чертѣ королевы жила
        Восторговъ сплошная поэма.

8.

Чернѣли маслины подъ елями дугъ,
        Дымилася инеемъ пудра;
Инесъ истомляла, какъ сладкій недугъ,
        Царя, какъ не женщина, мудро.

9.

Букеты левкоевъ и палевыхъ розъ,
        Казалось, цвѣли на прическѣ,
Алмазы слезились, какъ капельки росъ,
        На рукъ розовѣющемъ воскѣ.

10.

Нарядъ королевы сливается съ плечъ
        Каскадами дѣвственныхъ тканей.
На тронѣ она соизволила взлечь
        На шкуркахъ безропотныхъ ланей.

11.

Разсѣянно, рѣзко взглянувъ на гостей,
Къ устамъ поднесла она пальчикъ,—
И подалъ ей пару метальныхъ костей
Пажъ, томный и женственный мальчикъ.

12.

Блѣднѣя, какъ старый предутренній сонъ,
Царица подбросила кости.
Онѣ покатились на яркій газонъ
Въ какой-то загадочной злости.

13.

Царица вскочила и сдѣлала шагъ,
Жезломъ отстранила вассала,
Склонилась, взглянула, зардѣлась, какъ макъ:
Ей многое цифра сказала!

14.

Смущенно взошла она снова на тронъ,
Съ мечтой, устремленной въ пространство
И къ ней подошелъ вседержитель коронъ,
Пылающій зноемъ убранства.

15.

Съ поклономъ склонился предъ нею король
Въ обласканной солнцемъ тіарѣ,
Сказавъ ей: „Лилея! сыграть соизволь
На раковинъ моря гитарѣ".

16.

Но странно взглянула Инэсъ на него
И, каждое слово смакуя,
Ему отвѣчала:—Больна,—оттого
Сегодня играть не могу я...

17.

И балъ прекратился къ досадѣ гостей...
Съ тѣхъ поръ одинока царица.
Но въ чемъ же загадка метальныхъ костей?
— Да въ томъ, что была *единица*!

Мыза „Ивановка“.

ОСЕННІЯ МЕЧТЫ.

Бодрящей свѣжестью пахнуло
Въ окно,—я встала на зарѣ.
Лампада трепетно вздохнула.
Вздохъ отраженъ на серебрѣ
Старинныхъ образовъ въ кіотѣ...
Задумчиво я вышла въ садъ;
Онъ, какъ и я, разсвѣту радъ;
Однако, холодно въ капотѣ,
Вернусь и захвачу платокъ.

...Какъ свѣтозарно это утро!
Какой живящій холодокъ!
А небо—море перламутра!
Струи живительной прохлады
Вплываютъ въ высохшую грудь,
И утромъ жизнь мнѣ жаль чуть-чуть,
При свѣтломъ пробужденьи сада.
Теперь, когда уже не днями
Мнѣ остается жизнь считать,
А лишь минутами,—я съ вами
Хочу немного поболтать.
Быть можетъ, вамъ не „интересно“—
Узнать, что смерть моя близка,
Но пусть же будетъ вамъ извѣстно,
Что съ сердцемъ дѣлаетъ тоска
Любимой женщины когда-то
И послѣ брошенной, какъ хламъ.

Да, слѣдуетъ напомнить вамъ,
Что гдѣ-то ждетъ и васъ расплата
За злой ударъ ея мечтамъ.

Скажите откровенно мнѣ,
По правдѣ,—вы меня любили?
Ужели, что вы говорили,
Я только слышала... во снѣ?!.
Ужель „игра воображенья"—
И ваши клятвы, и мольбы,
А незабвенныя мгновенья—
Смѣхъ ироническій судьбы?
Разсѣйте же мои сомнѣнья,
Сказавъ, что это былъ ни сонъ,
Ни сказка, ни миражъ, ни греза,—
Что это жизнь была, что стонъ
Больного сердца и угроза
Нѣмая за обманъ, за ложь—
Плоды не фикціи страданья,
А сердца страстныя стенанья,
Которымъ равныхъ не найдешь.

Скажите мнѣ: „да, это было",—
И я, клянусь, вамъ все прощу:
Вѣдь я васъ такъ всегда любила
И вамъ ли, другу, отомщу?
Какой абсурдъ! Что за нелѣпость!
Да вамъ и кары не сыскать...
Я Господа молю, чтобъ крѣпость
Послалъ душѣ моей; страдать
Удѣлъ, должно быть, мой печальный,
А я—религіи раба,
И буду доживать „опальной",
Какъ предназначила судьба.

Итакъ, я не зову васъ въ бой,
Не стану мстить, какъ ужъ сказала:
Но вотъ что видѣть я бъ желала
Сейчасъ въ деревьяхъ предъ собой:

Чтобъ вы, такой красивый, знатный,
Кипящій молодостью весь,
Мучительно кончались здѣсь.
Вдыхая воздухъ ароматный,
Смотря на солнечный восходъ
И восхищаясь птичьей трелью,
Желая жить, вкушать веселье,

Ушли бъ отъ жизненныхъ красотъ.
Мнѣ сладко, чтобы вы страдали.
Въ сознаньи ожидая смерть.
Я превратила бъ сердце въ твердь,
Которую бъ не размягчали
Ни ваши муки, ни мольбы,
Мольбы отчаянья безсилья...
У вашей мысли рвутся крылья,
Мутнѣетъ взоръ... То—месть судьбы!

Я мстить не стану вамъ активно,
Но сладко бъ видѣть васъ въ бѣдѣ,
Хоть то религіи противно.
Но идеала нѣтъ нигдѣ,
И я, какъ человѣкъ, конечно,
Эгоистична и слаба
И своего же „я“ раба,
А это рабство, къ горю, вѣчно.

...Чахотка точитъ организмъ,
Умру на-дняхъ, сойдя съ „арены“...
Какіе грустные рефрэны!
Какой насмѣшливый лиризмъ!

Гатчина.

ЗЛАТА.

(Изъ дневника одного поэта.)

24-го мая 190...г.

Мы десять дней живемъ уже на дачѣ.
Я не скажу, чтобъ очень былъ я радъ,
Но все-таки... У насъ есть тощій садъ,
И за заборомъ воду возятъ клячи;
Чухонка намъ приноситъ молоко,
А булочникъ (какъ онъ и долженъ!)—булки;
Мычатъ коровы въ нашемъ переулкѣ,
И дама общества—Культура—далеко.
Какъ водится на дачахъ, на террасѣ
Мы „кушаемъ" и пьемъ противный чай;
Смежаемъ взоръ на травяномъ матрасѣ
И проклинаемъ дачу невзначай.
Мы занимаемъ симпатичный флигель
Съ скрипучими полами, съ сквознякомъ;
Мы отдыхаемъ сердцемъ и умомъ;
Естественно, теперь до скучной книги ль?
У насъ весьма пріятные сосѣди,
Maman въ знакомствѣ съ ними и бесѣдѣ;
Но не для нихъ чинилъ я карандашъ,
Чтобъ иступить его безъ всякой темы;
Нѣтъ, господа! Безвѣстный авторъ вашъ
Васъ проситъ „сдѣлать уши" для поэмы,
Что началась на дачѣ въ лѣтній день,
Когда такъ солнце яростно свѣтило,
Когда цвѣла, какъ принято, сирень...
Не правда ли,—я началъ очень мило?

7-го іюня.

Четвергъ, какъ пятница; какъ понедѣльникъ — вторникъ;
И воскресенье—какъ недѣля вся;
Хандрю отчаянно... И, если бы не дворникъ,
Съ которымъ мы дня три уже друзья,

Я бъ утопился, можетъ быть, въ болотѣ...
Но, къ счастью, подвернулся инвалидъ;
Онъ мнѣ всегда о Богѣ говоритъ,
А я ему о чертѣ и... Эротѣ!..
Какъ видите, въ насъ общаго—ни чуть,
Но я привыкъ въ общественномъ компотѣ
Свершать свой ультра-эксцентричный путь
И не тужу о разныхъ точкахъ зрѣнья,
И не боюсь различія идей,
И—вѣрите ль?—въ подвальномъ помѣщеньи
Я нахожу не „хамовъ", а людей.
Ахъ, мама неправа, когда возмущена
Знакомствомъ „низменнымъ", бросаетъ сыну: „Shoking!"
Какъ часто сердце спитъ, когда наряденъ смокингъ,
И какъ оно живетъ у „выбросковъ со дна"!
Въ одномъ maman права (я спорить бы не сталъ!).
—Ты опускаешься... Въ тебѣ такъ много риска!—
О, спорить можно ли!—я опускаюсь низко,
Когда по лѣстницѣ спускаюсь я въ подвалъ!..

10 іюня.

Пахомъ Панкратьевичъ—чудеснѣйшій хохолъ
И унтеръ-офицеръ (не кто-нибудь!) въ отставкѣ—
Во мнѣ себѣ партнера пріобрѣлъ,
И часто съ нимъ мы любимъ дѣлать „ставки".
Читатель, можетъ быть, съ презрѣньемъ, мой дневникъ
Отброситъ, обозвавъ поэта: „алкоголикъ!"
Пусть такъ... Но все-таки къ себѣ насъ тянетъ столикъ,
А я давно уже красу его постигъ.
Съ Пахомомъ мы зайдемъ, случается, въ трактиръ,
Потребуемъ себѣ для развлеченья „шкаликъ";
Въ фонографѣ для насъ „запустятъ" валикъ;
Мы чокнемся и станемъ рѣзать сыръ.
А какъ пріятенъ съ водкой огурецъ...
Опять, читатель, хмуришься ты строго?
Но вѣдь мы пьемъ „такъ"... чуточку... немного...
И вовсе же не пьемъ мы, наконецъ!

18-го іюня.

Пахомъ меня сегодня звалъ къ себѣ:
—„Зашли бы", говоритъ: „ко мнѣ Вы, право;
Нашли бы мы для Васъ веселья и забаву:
Не погнушайтеся, зайдите къ „голытьбѣ".
Изъ словъ его узналъ, что у него есть дочь—
Красавица... работаетъ... портниха;
Живутъ они и набожно, и тихо,
Но такъ бѣдно... я радъ бы имъ помочь.
Зайду, зайду... Дѣлиться съ бѣднякомъ
Познаньями и средствами—долгъ брата.
Мнѣ кажется, что дочь Пахома, Злата,
Тутъ все-таки при чемъ-то... Но—при чемъ?

22-го іюня.

Она—божественна, она, Пахома дочь!
Я познакомился сегодня съ нею. Рѣдко
Я увлекаюсь такъ, но Злата—однолѣтка—
Очаровательна! я радъ бы ей... помочь!
Блондинка... стройная... не дѣвушка,—мечта!
Фарфоровая куколка! мимоза!
Какъ говоритъ Ростанъ—Принцесса Греза!
Какъ цѣломудренна, невинна и чиста!
Она была со мной изысканно любезна,
Моя корректность ей понравилась вполнѣ.
Я—упоенъ! я въ чувственномъ огнѣ.
Нѣтъ, какъ прелестна! какъ прелестна!
Вотъ, не угодно ли, maman,—въ *такой* средѣ
И умъ, и грація, и аттрибуты такта...
Я весь преобразился какъ-то!..
Мы съ нею сблизимся на лодкѣ, на водѣ,
Мы подружимся съ ней, мы будемъ неразлучны!..
Хоть дорогой цѣной, но я ее куплю!
Я увидалъ ее и вотъ уже люблю.
Посмѣйте мнѣ сказать, что жить на свѣтѣ скучно!
Но я-то Златѣ, я—хотѣлось знать бы—любъ ль?
Отвѣтъ мнѣ время дастъ, пока же—за сонеты!

Прощаясь съ старикомъ, ему я сунулъ рубль,
И онъ сказалъ: „народъ хорошій—вы, поэты“.

3-го іюля.

Вчера я въ паркѣ съ Златою гулялъ.
Она была въ коричневомъ костюмѣ.
Ея лицо застыло въ тайной думѣ.
Мнѣ кажется, я тайну отгадалъ:
Она во мнѣ боится донъ-жуана,
Должно быть, встрѣтить; сдержанная рѣчь,
Холодный тонъ, пожатье круглыхъ плечъ —
Мнѣ говорятъ, что жертвою обмана
Не хочетъ, нѣтъ, въ угоду страсти, пасть.
Прекрасный взглядъ!.. Бываетъ все же страсть,
Когда не разсуждаешь... Поздно ль, рано
И ты узнаешь, Злата, страсти чадъ:
Тогда... тогда я буду тріумфаторъ!...
Мы создадимъ на сѣверѣ экваторъ!..
Какъ зацвѣтетъ тогда нашъ чахлый садъ!
Мы долго шли. Вдали виднѣлись хаты.
Пить захотѣлось... отыскали ключъ.
Горячимъ золотомъ насъ жегъ іюльскій лучъ,
И золотомъ горѣли косы Златы.

24-го іюля.

Вотъ ужъ два мѣсяца мы обитаемъ здѣсь,
И больше мѣсяца знакомъ я съ милой Златой.
Вздыхаю я, любовію объятый,
И тщетно думаю, сгорая страстью весь,
Зажечь отвѣтную: она непобѣдима,
Ведетъ себя она съ большимъ умомъ;
Мои исканія ее минуютъ мимо,
И я терзаюся... Ну, удружилъ Пахомъ!
Зачѣмъ онъ звалъ меня? зачѣмъ знакомилъ съ Златой?
Не зналъ бы я ея, и вѣдалъ я покой.
Больное сердце починить заплатой
Забвенія—трудъ сложный и пустой.

Мнѣ не забыть ее, мою принцессу грезу,
Я ею побѣжденъ, я ею лишь дышу,
Въ мечтахъ ее одну всегда ношу
И, ненавидя сѣрой жизни прозу,
Рвясь вѣчно ввысь, въ подвалъ къ ней прихожу.

1-го августа.

Что это—явь или сонъ, приснившійся вчера
На сонномъ озерѣ, въ тѣни густыхъ акацій?
Какъ жаль, что статуи тяжеловѣсныхъ грацій—
Свидѣтели его—для скорости пера
Не могутъ разрѣшить недоумѣнья.
Я Златою любимъ? я Златѣ дорогъ? Нѣтъ!
Не можетъ быть такого упоенья!
Я грезилъ попросту... я попросту—„поэтъ"!
Мнѣ все пригрезилось: и вечеръ надъ водой,
И томная луна, разнѣжившая души,
И этотъ соловей, въ груди зажегшій зной,
И бой сердецъ все тише, глуше...
Мнѣ все пригрезилось: и грустный монологъ,
И слезы чистыя любви моей священной,
Задумчивый мой взоръ, мой голосъ вдохновенный
И въ милыхъ мнѣ глазахъ сверкнувшій огонекъ;
И руки бѣлыя, обвившія мнѣ шею,
И алыя уста, взбурлившія мнѣ кровь.
И рѣчи страстныя въ молчаніи аллеи,
И дѣвственной любви вся эта жуть и новь!
Какой, однако, сонъ! Какъ въ памяти онъ ясенъ!
Детали мелкія рельефны и ясны;
Я даже помню блѣдный тонъ луны...
Да, это сонъ! и онъ, какъ сонъ, прекрасенъ!

2-го августа.

То былъ не сонъ, а, къ ужасу,—конецъ
Моей любви, моихъ очарованій...
Сегодня мнѣ принесъ ея отецъ
Короткое посланье:
„Я отдалась: ты полюбился мнѣ.
Дороги наши разны,—души близки.

Я замужъ не пойду, а въ роли одалиски
Быть не хочу... Забудь о дивномъ снѣ.
Проснулась ночь, и вздрогнула роса.
А я застылъ, и мысль плыла безъ формы.

3-го августа, 7 час. утра.

Она скончалась ночью, въ три часа,
Отъ хлороформа.

III.

КОЛЬЕ ПРИНЦЕССЫ.

УВЕРТЮРА.

Колье принцессы — аккорды лиры,
Вѣнки созвѣздій и ленты лье,
А мы, эстеты, мы — ювелиры,
Мы ювелиры такихъ колье.

Колье принцессы — небесъ палаццо,
Насмѣшка, горечь, любовь, грѣхи,
Гримаса боли въ лицѣ паяца...
Колье принцессы — мои стихи.

Колье принцессы, колье принцессы...
Но кто принцесса, но кто же та —
Кому всѣ гимны, кому всѣ мессы?
Моя принцесса — моя Мечта!

ВЪ МИРРЭЛІИ.

Сексты.

Озвень, окольчивай, опетливай,
Мечта, бродягу - менестреля!
Опять въ Миррэліи привѣтливой
Ловлю стремительныхъ форелей;
Наивный, юный и кокетливый,
Пригубливаю щель свирѣли.

Затихла мысль, и грезы шустрятся,
Какъ воробьи, какъ травокъ стебли.
Шалю, пою, глотаю устрицы
И устаю отъ гибкой гребли...
Смотрю, какъ одуванчикъ пудрится,
И вотъ, опять, все глуше въ дебри.

Въ лѣсахъ безразумной Миррэліи
Цвѣтутъ лазоревыя сливы,
И молніи, какъ огнестрѣліе,
Дисгармонично-грохотливы;
И расцвѣтаюъ тамъ, въ апрѣліе,
Гиганты — лавры и оливы.

Въ доспѣхахъ Полдня Златогорлаго
Брожу я часто по цвѣточью,
И, какъ заплѣснѣлое олово,
Луна мнѣ изумрудитъ ночью;
Въ прелюдѣ жъ мѣсяца лиловаго
Душа влечется къ средоточью.

Заосенѣетъ, затуманится,
Заворожится край крылатый, —
Идетъ царица, точно странница,
Въ сопровожденіи прэлата,
Смотрѣть, какъ небо океанится,
Какъ море сковываютъ латы.

Встоскуетъ нѣжно и встревоженно...
Вдругъ засверкаетъ, какъ богиня,
И вдохновенно, и восторженно
На всё глядитъ свѣтло и сине:
Пылай, что льдисто заморожено!
Смерть, умирай, навѣки сгиня!

Веймарнъ.

АВІАТОРЪ.

Я пѣснопѣвецъ - авіаторъ...
Моихъ разбѣговъ льдяный стартъ —
Гдѣ вѣетъ сѣвера штандартъ,
А финишъ мой — всегда экваторъ.

Побѣденъ мой аэропланъ,
Полетъ на немъ побѣдоносенъ,
Смотри, оставшійся у сосенъ,
Завидуй мнѣ, похить мой планъ!

Куда хочу — туда лечу!
Лечу — какъ надъ Байкаломъ буря,
Лечу, съ орлами каламбуря,
Ихъ ударяя по плечу...

Межъ изумленныхъ звѣздъ новаторъ,
Лечу безъ плановъ и безъ картъ...
Я всемогущъ,— я авіаторъ!
И цѣль моя — небесъ штандартъ!

ПРОЦВѢТЪ АМАЗОНІИ.

Въѣзжаетъ дамья кавалерія
Во дворъ дворца, подъ алый звонъ.
Выходитъ президентъ Валерія
На бѣломраморный балконъ.

Съ лицомъ нѣмымъ, съ душою пахотной,
Кивая сдержанно полкамъ,
Передаетъ накидокъ бархатный
Предупредительнымъ рукамъ.

Сойдя олиліенной лѣстницей,
Она идетъ на правый флангъ,
Гдѣ передъ нею, предъ извѣстницей,
Уже безумится мустангъ.

Подъ полонезъ Томà блистательный
Она садится на коня,
Командой строго - зажигательной
Всѣ эскадроны съединя.

Отъ адъютанта донесенія
Принявъ, зоветъ войска въ походъ:
„Ахъ, наступаютъ дни весенніе
И надо же... найти исходъ...

Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ мужчины умерли,
Утѣха женщины—война...
Мучительны весною сумерки,
Когда призывишь,— и одна...

Но есть страна — mesdames, довѣріе!—
Гдѣ живъ одинъ орангъ-утангъ.
И онъ—воскликнула Валерія—
Онъ будетъ нашъ! Впередъ, мустангъ!"

И увядавшая лавзонія
Вновь заструила фиміамъ...
Такъ процвѣтаетъ Амазонія,
Вся состоящая изъ дамъ.

Веймарнъ.
1913. Май.

САМОУБІЙЦА.

Вы выбѣжали изъ зала на вѣтровую веранду,
Повисшую живописно надъ пропастью и надъ рѣкой.
Разнитивъ клубокъ восторга, напомнили Аріадну,
Гирлянду нарциссовъ бѣлыхъ искомкали смуглой рукой.

Вамъ такъ надоѣли люди, но некуда было дѣться.
Хрипѣла и выла пропасть. Въ рѣкѣ утопалъ рыболовъ.
Изъ оконъ смѣялся говоръ. Оркестръ игралъ интермеццо.
Лицо ваше стало блѣднымъ, и взоръ бирюзовый—лиловъ.

Какъ выстрѣлъ, шатнулись двери. Какъ крылья, метнулись фраки.
Картавила банда дэнди, но Вамъ показалось — гориллъ.
Какъ загнанная лисица, дрожа въ озаренномъ мракѣ,
Кого-то Вы укусили и прыгнули въ бездну съ перилъ!

ВЪ ДУХАНѢ НАДЪ КУРОЙ.

Въ духанѣ игралъ оркестръ грузиновъ,
Онъ пѣлъ застольцамъ: „Алаверды!"
Изъ бутоньерки гвоздику вынувъ,
Я захотѣлъ почерпнуть воды.

Мнѣ вѣтеръ помогъ раскрыть окошко,—
Въ ночь воткнулась рама ребромъ...
Въ мое лицо, какъ рыжая кошка,
Кура профыркала о чемъ-то зломъ...

Плюясь и взвизгнувъ, схватила гвоздику
Ея усатая, бурая пасть...
Грузины играли и пѣли дико...
— Какая дѣвушка обречена пасть?

Веймарнъ.
1913. Іюнь.

ГРИЗЕЛЬ.

Побѣдой гордый, юнью дерзкій,
Съ усладой славы въ головѣ,
Я вдохновенно сѣлъ въ курьерскій,
Спѣша въ столицу на Невѣ.

Кончалась страстная Страстная —
Вся въ персикахъ и въ кизилѣ.

Дорога скалово-лѣсная
Извивно рельсилась въ теплѣ.

Я вспоминалъ рукоплесканья,
Цвѣты въ шампанскомъ и въ устахъ,
И, полная златошампанья,
Душа звенѣла на крылахъ.

Отъ Кутаиса до Тифлиса
Ночѣетъ день, когда въ тоннель,
Какъ въ нѣкій кулуаръ Ивлиса,
Вступаетъ лунный Ліонель.

Но только пройдено подгорье,
И Ліонель — уже Ифритъ!
О, безбережное лазорье!
Душа паритъ! паря, творитъ!

Подходитъ юная, чужая,
Извѣчно-близкая въ толпѣ;
Сердцамъ разрывомъ угрожая,
Мы вовлекаемся въ купэ...

Сродненные мильонолѣтье
И незнакомые вчера,
Мы двое созидаемъ третье
Во славу моего пера!

О, съ ликомъ муміи, съ устами
Изнѣжно - мертвыми! газель!
Благослови меня мечтами,
Моя смертельная Гризель!

Петербургъ.
1913. Пасха.

КАТАСТРОФА.

Произошло крушенье,
И поѣздовъ движенье
Остановилось ровно на восемнадцать часовъ.
Выскочивъ на площадку,
Спѣшно надѣвъ перчатку,
Выглянула въ окошко: тьма изъ людскихъ голосовъ!

Росно манила травка.
Я улыбнулся мягко,
Спрыгнулъ легко на рельсы, снялъ ее на полотно.
Не говоря ни слова,
Ласкова и лилова,
Дѣвушка согласилась, будто знакома давно...

Съ насыпи мы сбѣжали,—
Дѣвушка только въ шали,
Я безъ пальто, безъ шапки,— кочками и по пенькамъ.
Влагой пахнули липы,
Грунта плеснули всхлипы,
Наши сердца вздрожали, руки прильнули къ рукамъ.

Благостью катастрофы
Блёстко запѣлъ я строфы,
Слыша біенье сердца, чуждаго сердца досель.
Чувства смѣшались въ чудѣ,
Затрепетали груди...
Опоцѣлуенъ звонко, лѣсъ завертѣлъ карусель!

Веймарнъ.
1913. Іюнь.

ЮЖНАЯ БЕЗДѢЛКА.

Н. М. К — чъ.

Вся въ черномъ, вся — стерлядь, вся — стрѣлка,
Съ холоднымъ безкровнымъ лицомъ,
Врывалась ко мнѣ ты, бездѣлка,
Молчать о великомъ ничёмъ...

Вверхъ ножками кресло швыряла,—
Садилась на спинку и полъ,
Вся — призракъ, вся — сказка Дарьяла,
Вся — нѣжность и вся — произволъ!

Пыль стлалась по бархату юбки,
Зло жемчугъ грустилъ на груди...
Мы въ комнатѣ были, какъ въ рубкѣ,
Морей безбережныхъ среди...

Когда же сердечный припадокъ
Беззвучно тебя содрогалъ,
Я весь былъ во власти догадокъ,
Что гдѣ-то корабль утопалъ...

Но лишь приходила ты въ чувства,
Къ моимъ припадала ногамъ
И скорбно шептала: „какъ пусто,
Гдѣ сердце у каждаго, — тамъ"...

Веймарнъ.
Мыза „Пустомержа".
1913. Іюнь.

ПРИЗРАКЪ-ДѢВУШКА.

Гризельдѣ.

Третій вечеръ приноситъ почтальонъ конверты въ траурѣ,
Третій вечеръ читаю мутно-желтые листки.
Призракъ-дѣвушка пишетъ, обезумѣвъ отъ тоски,
О безликомъ монахѣ, появляющемся на морѣ
И бросающемъ въ волны пальцы, точно лепестки...
Это какъ-то я помню: мы когда-то съ нею плавали...

Ландышъ-дѣвушка плачетъ черезъ три-четыре улицы
О пробуженномъ матерью больномъ весеннемъ снѣ,
Что въ вагонѣ экспресса былъ милѣй и неяснѣй
Лѣнокрылыхъ туманокъ; и голубкой ландышъ гулится.
Третій вечеръ все пишетъ и все плачетъ на окнѣ —
Ахъ! — не зная, что смертью такъ легко подкараулится...

1913. Апрѣль.

ГАШИШЪ НЕФТИСЪ.

Ты, куря папиросу съ гашишемъ,
Предложила попробовать мнѣ,—
И отнынѣ съ тобою мы дышемъ
Эгимъ сномъ, этимъ мигомъ извнѣ..

Голубыя душистыя струйки
Насъ въ дурманъ навсегда вовлекли:
Упоительныхъ змѣекъ чешуйки
И бананы въ ліанахъ вдали.

Писки устрицы, пахнущей моремъ,
Бирюзовая теплая влажь...
Олазоримъ, легко олазоримъ
Пароходъ, монопланъ, экипажъ!

Все равно, что угодно, но только,
Чтобы было движенье и лётъ.
Можетъ быть оттого, что ты полька,
Можетъ быть оттого, что я лёдъ!

Ахъ, въ картинѣ, въ стихахъ ли, въ романсѣ —
Свѣтозарь, олазорь, впечатлѣй
Нашъ гашишъ, гдѣ, подъ танцы шимпанзе,
Зло-сверкательны кольчики змѣй!

Такъ одѣвьтесь, всѣ жены, одѣвьтесь,
Какъ одѣвилъ порочность Уайльдъ,
Какъ меня юно-древняя Нефтисъ,
Раздробивъ саркофага базальтъ!

Веймарнъ.
1913. Май.

ДУША И РАЗУМЪ.

Душа и разумъ — антиподы:
Она — восходъ, а онъ — закатъ.
Весеньтесь пьяно-пѣнно, воды!
Зальдись, осенній водоскатъ!

Душа — цвѣтникъ, а умъ — садовникъ.
Цвѣты въ стаканѣ — склепъ невѣстъ.
Мой палецъ (...бѣлый червь...) — любовникъ.
Зѣвъ ножницъ — тривіальный крестъ...

Цвѣты букета инфернальны,
Цвѣты букета — не цвѣты...
Одно безумье геніально,
И мысль ничтожнѣе мечты!

ТОСКА О СКАНДѢ.

Валерію Брюсову.

У побережья Моря Чернаго
Шумитъ Балтійская волна,
Какъ символъ вѣчно-непокорнаго,
Въ лиловый сѣверъ влюблена.

На морѣ штормно, и гигантскія
Оякорены въ немъ суда, —
Но слышу шелесты эстляндскіе,
Чья фьоль атласится сюда.

И вотъ опять въ душѣ лазоріе,
И вновь душа моя поетъ
Морей Альдонсу — Черноморіе
И Сканду — Дульцинею водъ!

Одесса.
1913. Мартъ.

БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ.

Зинаидѣ Гиппіусъ.

Сребрѣетъ у моря веранда,
Не въ морѣ тоня, а — въ лунѣ,
Плыветъ златоликая Сканда
Въ лазурной галерѣ ко мнѣ.

Какъ парусъ — раскрытыя косы,
Самнамбуленъ ликій опалъ.
Глаза изумрудятъ вопросы,
Отвѣтъ для которыхъ пропалъ...

Пропалъ, затерялся, какъ эхо,
Въ лазори небесъ и волны...
И луннаго, блёклаго смѣха
Глаза у плывущей полны.

Плыветъ — проплываетъ галера
Ко мнѣ — не ко мнѣ — никуда.
Луна — золотое сомбреро,
А Сканда — луна и вода.

Одесса.
1913. Мартъ.

ОТЪ СЕВАСТОПОЛЯ ДО ЯЛТЫ.

Вамъ, горы юга, вамъ, горы Крыма,
Привѣтъ мой сѣверный!
Въ автомобилѣ — неудержимо,
Самоувѣренно!

Направо море; налѣво скалы
Пустынно-мѣловы.
Вездѣ провалы, вездѣ обвалы
Для сердца смѣлаго.

Окольчитъ змѣйно дорога глобусъ,—
И нѣтъ предѣльнаго!
Отъ ската къ вскату дрожитъ автобусъ
Весь цвѣта тѣльнаго.

Пыль мѣловая на ярко-красномъ —
Эмблема жалкаго...
Шофферъ! а ну-ка движеньемъ страстнымъ
Въ волну качалковую!

Ялта.
1913. Мартъ.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Меня стремитъ къ Бахчисараю
Заботливо автомобиль.
Ушедшее переживаю,
Тревожу выблекшую пыль.

Не крась улыбокъ охрой плотской
Ты, Современность, — поблѣднѣй:
Я бьюсь Маріею Потоцкой
И сонмомъ тѣней, близкихъ къ ней.

Пока разсудные татары
Взираютъ на автомобиль, —
Въ цвѣтъ абрикосовъ бѣлочарый
И въ желто-звѣдчатый кизиль!

Вхожу во дворъ дворца Гирея,
Мечтой и солнцемъ осіянъ,
Иду рѣзною галлереей, —
И вотъ онъ, слёзовый фонтанъ...

Но ни Марію и ни хана
Встрѣчая, миновавъ гаремъ,
Воспѣвца монументъ-фонтана,
Я музыкой былого нѣмъ...

Симферополь.
1913. Мартъ.

СИМФОНІЭТТА.

Всю ночь грызешь меня, безсонница,
Кошмаренъ твой слюнявый шипъ.
Я слышу: бѣшеная конница —
Моихъ стремленій прототипъ.
Безстрастно слушаетъ иконница
Мой встонъ, мой пересохшій всхлипъ.
О, Голубая Оборонница,
Явись мнѣ въ пчелахъ между липъ.
Ужель душа твоя не тронется?—
Я разумъ предъ тобой расшибъ.

Уйти. Куда? Все — среды, вторники...
Пойти на улицу? Одѣнь
Себя, какъ пожелаютъ дворники
И проститутки, — въ адъ ихъ дѣнь!
Столица ночью, это — въ сорникѣ
Хамъ — Городъ въ шапкѣ на-бекрень.
Презрѣнны „вольные затворники“:
Въ ихъ снахъ животныхъ — дребедень.
Поймете ль вы меня, просторники?—
Моя безсонница — С и р е н ь.

РАЗСКАЗЪ БЕЗЪ ПОЯСНЕНЬЯ.

(Приключеніе на Монмартрѣ.)

Посмотрѣвъ „Zaza“ въ театрѣ,
Путешествующій франтъ
Въ ресторанѣ на Монмартрѣ
Пробѣгать сталъ прейсъ-курантъ.
Симпатичный, лѣтъ подъ тридцать,
Сразу видно, что полякъ,
Онъ просилъ подать дѣвицу
Земляничный корнильякъ.

Посвиставъ „Терреадора“,
Онъ потребовалъ форель,
Посмотрѣвъ не безъ задора
Прямо въ очи fille d'hôtel.
Взглядъ зарозовилъ веснушки
На лицѣ и на носу.
Франтъ сказалъ: „я вамъ тянушки,
Разрѣшите, принесу.
Не видалъ во всемъ Парижѣ
Упоительнѣй волосъ:
Что за цвѣтъ! Златисто-рыжій!
О, когда бы довелось
Захлебнуться въ этихъ косахъ!..“
Усмѣхнулась file d'hôtel,
И въ глазахъ ея раскосыхъ,
Блекло-тонныхъ, какъ пастэль,
Проскользнула тѣнь сарказма,
Губы стали, какъ желе,
И застыла въ горлѣ спазма,
Какъ ядро въ сыромъ жерлѣ...
Понялъ франтъ: ни слова больше,
Оплатилъ безмолвно счетъ.
— Этимъ жестомъ въ гордой Польшѣ
Достигается почетъ...

„Дылицы“.

КИНЪ-КАТО.

Вы не бывали въ чайномъ домикѣ
Напротивъ виллы адвоката?
И на бамбуковомъ ли столикѣ
Поила чаемъ васъ Кинъ-Като?

Что вамъ она читала въ томикѣ,
Цвѣтовъ восточнаго заката?
Глазами, рѣзвыми, какъ кролики,
На васъ смотрѣла ли Кинъ-Като?

Въ благоуханьи карилопсиса
Вы съ ней сидѣли ли покато,
Слѣдя, какъ отъ желанья лопался
Костюмъ вуалевый Кинъ-Като?

Скажите мнѣ, какими темами
Вы увлекли жену фрегата?..
О, вѣроятно, кризантэмами
Вашъ торсъ украсила Кинъ-Като!..

„Дылицы“.

ПРОГУЛКА МИССЪ.

Миссъ по утрамъ сопровождаетъ лайка,
Предлёнчныя прогулки любитъ миссъ
И говоритъ собачкѣ: „Что жъ! полай-ка
На воробья, но во-время уймись“...

Забавно песъ рондолитъ острый хвостикъ,
Съ улыбкою смотря на госпожу;
Они идутъ на граціозный мостикъ,
Гдѣ ихъ встрѣчать предложено пажу.

Попробуемъ пажа принять за лорда
И прекратимъ на этомъ о пажѣ...
— Кто понялъ смыслъ послѣдняго аккорда,
Тотъ автору сочувствуетъ уже.

КОКЕТТА.

Въ черной фетэркѣ сь чайной розою
Ты вальсируешь передъ зеркаломъ
Бирюзовою граціозою
И обласканной резервэркою...

Не хочу считать лѣтъ по метрикѣ,
А на видъ тебѣ — лишь четырнадцать...

Съ чайной розою въ черной фетэркѣ
Ты — безсмертница! ты — всемірница!

И тираду я обличайную
Дамъ завистливыхъ — пусть ихъ сердятся! —
Игнорирую. Съ розой чайною
Въ черной фетэркѣ, ты — безсмертница!

Веймарнъ.

Я — КОМПОЗИТОРЪ.

Я — композиторъ: подъ шумъ колёсъ
Желѣзно-дорожныхъ —
То Григъ, то Верди, то Берліозъ,
То пѣсня острожныхъ.

Я — композиторъ: вѣдь, этотъ шумъ
Метрично-колёсный
Рождаетъ много пѣвучихъ думъ
Въ душѣ монстріозной.

Всегда въ лазори, всегда въ мечтахъ,
Слагаю молитвы.
Я — композиторъ: въ моихъ стихахъ —
Чаруйные ритмы.

Ст. Вруда, поѣздъ.

КВАРТЕТЪ.

...Марсель Швобъ.

Перронета, Гильомета,
Иссабо и Жаннетонъ.
Вашей страстности комета
Продается за тестонъ.

Гильометта, Перронета,
Жаннетонъ и Иссабо,

Вы для дѣвочки - корнета
Припасли стихи Рэмбо.

Это — вѣрная примѣта,
Что въ крови повышенъ тонъ
Перронета, Гильометта,
Иссабо и Жаннетонъ.

Ахъ, теперь для кабинета
Надо ль спаржу и тюрбо,
Гильометта, Перронета,
Жаннетонъ и Иссабо?..

1913. Августъ.
Веймарнъ.

БРИНДИЗИ.

Полнѣй бокалъ наполни
И пей его до дна,
Подъ бичелучье молній,
Истомна и блѣдна!
Душа твоя, эоля,
Ажуритъ розофлеръ.
Гондола ты, Миньоля,
А я — твой гондольеръ.
Пускай вокругъ все сѣро
Отъ каркающихъ стай,—
Въ объятьяхъ эксцессэра
Снѣгурово истай!
О, въ виноградной каплѣ —
Премудрость всѣхъ планетъ...
Направь на дирижабли
Кокетливый лорнетъ!
И, очи офіоля,
Благоговѣйно грезь...
Дурманъ вездѣ, Миньоля,
Вездѣ — и тамъ, и здѣсь!

ВЪ КУСТАХЪ ЖАСМИНА.

То клубникой, то бананомъ
Пахнетъ крэмовый жасминъ,
Пышно - приторнымъ дурманомъ
Возсоздавъ оркестръ румынъ.

Раковина окарины.
Пёстротканное шитье.
Устрицы и мандарины.
Вмѣсто жизни — плясъ-житье.

Лоскощекія мѣщанки.
Груди — дыни, жабой брошь.
Разговорныя шарманки.
Имперьялъ идетъ за грошъ.

Бутафорскою туникой
Шансонетка, съ гнусью минъ,
То бананомъ, то клубникой
Помаваетъ, вся — жасминъ.

Веймарнъ.
1913. Іюнь.

ПОЧТИ ГАЗЭЛЛА.

И розы, и грезы, и грозы — въ бокалы!
Наполнимъ бокалы,— осушимъ бокалы!

Звените, какъ струны, какъ лунныя струны,
Съ напиткомъ ледянымъ бокалы!

Плещите, какъ моря сѣдые буруны,
Плещите нектаромъ, бокалы!

Вскрутите восторговѣ волшебныя руны,
Со льдомъ раскаленнымъ бокалы!

И вспыхнутъ въ крови огневые Перуны,
Когда испарятся бокалы!..

ХАБАНЕРА I.

Сонетъ.

Заѣ Ч.

Гитана! сбрось бравурное сомбреро,
Налей въ фіалъ восторженный кларетъ...
Мы будемъ пить за знойность кабалеро,
Пуская дымъ душистый сигаретъ.
Мечта плыветъ, какъ легкая галера,
Куда-то въ даль... плыветъ куда — секретъ!
Огня! огня! пусть вспыхнетъ хабанера, —
Взнуздаемъ страсть и унесемся въ бредъ!..

Галопъ мандолъ достигнетъ алегрэтто,
Завороженъ желаньемъ пируэта,
Зашелестятъ въ истомѣ вздохи пальмъ...

Вина! вина! Обрызгай имъ, гитана,
Букеты грёзъ... Тогда не надо тальмъ,—
Тогда помпезный культъ нагого стана!..

ХАБАНЕРА II.

Синьорѣ Za.

Вонзите штопоръ въ упругость пробки,—
И взоры женщинъ не будутъ робки!..
Да, взоры женщинъ не будутъ робки,
И къ знойной страсти завьются тропки...

Плесните въ чаши янтарь муската
И созерцайте цвѣта заката...

Раскрасьте мысли въ цвѣта заката
И ждите, ждите любви раската!..

Ловите женщинъ, теряйте мысли...
Счетъ поцѣлуямъ — пойди, исчисли!..
А къ поцѣлуямъ финалъ причисли,—
И будетъ счастье въ удобномъ смыслѣ!..

ИЗЪ ШАРЛЯ БОДЛЭРА.

Креолка.

Сонетъ.

„Au pays parfumé que
soleil caresse"...

Гдѣ ласковъ лучъ, въ странѣ благоуханной
Я зналъ подъ пестрымъ куполомъ дерёвъ,
Гдѣ все полно какой-то нѣги странной,
Царицу чаръ, креолку, дочь лѣсовъ.

Атласъ лица и смуглый и горячій;
Гордъ очеркъ шеи: власть она хранитъ;
Изящный бюстъ весь вылѣпленъ удачей;
Въ улыбкѣ — зыбь; въ глазахъ ея — гранитъ.

О, къ Вамъ бы шелъ и малахитъ Луары
И Сэны гладь — какъ изумруды прерій...
Украсьте замки, гнѣзда суевѣрій,
Въ тѣни аллей будите Ваши чары,

Сотките сѣть сонетовъ для поэта,—
Вашъ взглядъ одинъ властнѣе глазъ дуэта!..

Мыза „Ивановка".

КУТЕЖЪ.

— Дайте, дайте припомнить... Былъ на Вашей головкѣ
Отороченный мѣхомъ незабудковый капоръ...
И еще Вы сказали: „Ахъ, какой же Вы ловкій:
Кабинетъ приготовленъ, да, конечно, и таборъ!"...

Заказали Вы „пилку“,—какъ назвали Вы стерлядь,—
И изъ капорцевъ соусъ, и Рейнвейнскаго конусъ...
Я хочу ошедеврить, я желаю оперлить
Все, что связано съ Вами,— даже, знаете, соусъ...

А иголки Шартреза? а Шампанскаго кегли?
А стеклярусъ на окнахъ? а цвѣты? а румыны?
Мы другъ друга хотѣли... Мы любви не избѣгли...
Мы въ сліяньи слыхали сладкій теноръ жасмина...

Но... Вамъ, кажется, грустно? Ахъ, Люси, извините,—
Это можно поправить... Вы шепнули: „устрой-ка“?..
Хорошо, дорогая! для „заплаты есть нити“,—
У подъѣзда дымится ураганная тройка!..

„ОЙЛЕ“.

На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя...

Ѳ. Сологубъ.

Мы выключили электричество:
Луна въ стеклѣ
И Ваше свѣтлое владычество,
Моя Ойле.

На свѣчи, рѣющія пчелами,
Устремлены
Глаза, поющіе віолами,
И видятъ сны:

Дымится снѣгъ голубо-фьолевый.
Въ снѣгу — шалэ.
„Благоговѣя, другъ, оголивай
Свою Ойле“...

Благоуханный и свирѣльчатый
Вашъ голосъ пью,
И Вы вонзаете взоръ стрѣльчатый
Въ мечту мою.

Вспылало древнее язычество
Въ душевной мглѣ:
Не выключено электричество
Въ тѣлахъ, Ойле!..

1913. Февраль.

РОНДО.

Твои духи, какъ нимфа, ядовиты
И дерзновенны, какъ мои стихи.
Роса восторгъ вкусившей Афродиты —
Твои духи!

Они томятъ, какъ плотскіе грѣхи,
На лацканъ сюртука тобой пролиты,
Воспламеняя чувственные мхи...

Мои глаза — они аэролиты! —
Низвергнуты въ любовные мѣхи,
Гдѣ сладострастятъ жала, какъ термиты,
Твои духи!

Веймарнъ.

РОЗА ВЪ СНѢГУ.

Какъ въ пещерѣ костеръ, запылаетъ каминъ...
И, звонокъ оправдавъ,— точно роза въ снѣгу,
Ты войдешь, серебрясь... Я — прости, не могу...—
Зацѣлую тебя... какъ идею браминъ!
О! съ мороза дитя — это роза въ снѣгу.

Сладострастно вопьетъ бархатъ пестрой софы,
Онъ вопьетъ перламутръ этихъ формъ... онъ вопьетъ!
Будь моею, ничья!.. Лью въ бокалы строфы,
Лью восторгъ черезъ край,— и бокалъ запоетъ...

А бокалъ запоетъ — запоетъ кабинетъ,
И камина костеръ, и тигрица — софа...
Опьяненье не будетъ тяжелымъ,— о, нѣтъ:
Гдѣ *вино внѣ вина* — жить и грезить лафа!

МИНЬОНЕТЫ.

I.

Твои уста — качели лунныя,
Качели грезы...
Взамѣнъ столбовъ двѣ ручки юныя,
Какъ двѣ березы,
Сольемъ въ дуэтъ сердечки струнныя —
Віолончели...
Люблю уста, качели лунныя,
Твои качели!

II.

Гудятъ погребальные звоны...
Какъ жутко ты мнѣ дорога!..
Мечтаю ль, — лунятся лимоны;
Заплачу ль,— пушатся снѣга,
Плывутъ монотонные стоны,
Мѣняя въ пути берега...
И гдѣ-то лунятся лимоны,
И гдѣ-то пушатся снѣга...

О. Ѳ.

ТУНДРОВАЯ ПАСТЭЛЬ.

Ландыши воздушные, рѣющіе ландыши
Вечеромъ зимѣющимъ льдяно зацвѣли...
Выйди на поляны ты, сумракомъ полянъ дыши,
Падающимъ ландышамъ таять повели!

Ландыши небесные, вы всегда безстебельны,
Безуханно юныя искорки луны...

Лунное сіяніе — это точно въ небѣ льны...
Лѣнно лани льняныя лунно влюблены...

Сердце сѣверянина, не люби ліанъ души!..
Кедровъ больше, лиственницъ, хрупи, мги и пихтъ!
Ландыши безплотные, тающіе ландыши,
И у тундры клюквовой зубра сонный выходъ...

ДИССО-РОНДЕЛИ.

Шмелитъ - пчелитъ віолончель
Надъ лиловѣющей долиной.
Я, какъ пчела въ іюлѣ, юный,
Иду, весь — трепетъ и печаль.
Хочу ли мрака я? хочу ль,
Чтобъ лучъ игралъ въ листвѣ зеленой?
Шмелитъ-пчелитъ віолончель
Надъ лиловѣющей долиной...
Люблю кого-то... Горячо ль?
Священно, или страстью тлѣнной?
И что же это надъ поляной:
Віолончелятъ пчелы, иль
Шмелитъ-пчелитъ віолончель?..

ВУАЛЕТКА.

Евгенію Пуни.

Вздыхала осень. Изнѣжена Малина.
Кленъ разузоренъ. Ночами тьма бездонна.
...Она смѣялась, темно какъ Мессалина,
И улыбалась, лазурно какъ Мадонна.
Вѣтрѣетъ вечеръ. Стрекочетъ мандолина.
Въ студеномъ флерѣ теченье монотонно.
Сапфирны грезы. Видѣнье Вандэлина.
И тембры парка рыдаютъ баритонно.

ВЪ САДУ КНЯГИНИ.

Въ яблони въ саду княгини,
Милая, въ седьмомъ часу,
Выбѣги въ кисейкѣ синей,
Лилію вплетя въ косу.

Ласково сгибая клеверъ,
Грёзово къ тебѣ приду,—
Къ дѣвочкѣ и королевѣ,
Вызеркаленной въ пруду.

Фьолево златыя серьги
Вкольчены въ твое ушко.
Сердцемъ отъ денныхъ энергій
Вечеромъ взгрустимъ легко...

Веймарнъ.

НЕВЫРАЗИМАЯ ПОЭЗА.

Невыразимо грустно, невыразимо больно
Въ поѣздѣ удаляться, милое потерявъ...
Росно зачѣмъ въ деревьяхъ? въ небѣ зачѣмъ фіольно?
Надо ли было въ поѣздъ? можетъ быть, я не правъ?

Можетъ быть, только плакать было бы проще, лучше
Передъ такой страдальной, точно всегда чужой?..
Нѣжно письмо оскорблю; только когда жъ получишь
Эту цѣпочку строчекъ, спаянную душой?

Бѣло ночѣетъ поле, и отъ луны въ немъ мольно,
Филины—пассажиры, и безпощаденъ паръ...
Невыразимо грустно! невыразимо больно!
Хочется мнѣ вернуться, но позади — кошмаръ!..

Веймарнъ.

1913. Іюнь.

ЛИСОДѢВА.

Какъ ты похожа сегодня въ профиль на шельму-лисицу
Но почему же твой завтракъ — скумбрія и геркулесъ?
Ахъ, понакрала бы яицъ, — курицы стали носиться, —
И наутекъ — черезъ поле, черезъ канаву и въ лѣсъ!

Въ полѣ теперь благодатно: тамъ поспѣваетъ картофель,
Розовая—земляника; грибъ набухаетъ въ лѣсу.
Вспомни, забывшая травы, что у тебя лисопрофиль,
Вспомни, что ты каждымъ вскидомъ напоминаешь лису.

Въ рыжей лукавой головкѣ, чувствую, хитрости лисьи
(Вотъ еще что: на лисицу очень похожа оса!..)
Взглядъ твой крылатъ, но пристало ль грезить лисицѣ
о выси.
Это едва ли удобно: аэропланъ и лиса...

Веймарнъ.
1913. Май.

CHARLOTTE CORDÉ.

Она была на казнь осуждена,
Но въ правотѣ своей убѣждена;
Отважную смутить могла ли плаха?
Пошла на эшафотъ она безъ страха.

По мертвому ея лицу палачъ
Нанесъ ударъ и прочь отбросилъ тѣло;
Тогда отъ оскорбленья, какъ кумачъ,
Лицо казненной въ гнѣвѣ покраснѣло.

ПРОМЕЛЬКЪ.

Въ каждомъ городѣ, въ комнатѣ дѣвьей,
Есть алтарь королевѣ,
Безымянной, повсюдной.
Онъ незримо-голубъ.

Вы ненайденную потеряли
Бирюзу на кораллѣ;
Но она въ вашей чудной
Озаренности губъ...

Минскъ.
1913. Мартъ.

ПОКА ПРОХОДИТЪ ПОѢЗДЪ...

Я въ полѣ. Вечеръ. Полотно.
Проходитъ поѣздъ. Полный ходъ.
Чужая женщина въ окно
Мнѣ отдается и беретъ.
Ей, вѣроятно, двадцать три.
Зыбка въ ея глазахъ фіоль.
Въ лучахъ оранжевой зари
Улыбку искривляетъ боль.
Я женщину крещу. Рукой
Она даритъ мнѣ поцѣлуй.
Проходитъ поѣздъ. Самъ не свой,
Навѣкъ теряя, я люблю.

1912. Май.
Варш. ж. д.

БЕЗПРЕРЫВНАЯ ЗАПРЯЖКА.

Каждое утро смотрю на каретникъ
Въ окно изъ столовой:
Кучеръ, надѣвши суровый передникъ,
Лѣниво, безъ слова,
Рыжую лошадь впрягаетъ въ пролетку.
Та топчется гнѣвно,
Бьется копытами мѣрно и четко,—
Всегда, ежедневно!
Странная мысль мнѣ приходитъ: „а если бъ
Впрягалъ безконечно
Онъ свою лошадь?..“— но это для пѣсни
Такъ дико, конечно...

..."Лишь запряжетъ, глядь, нелѣпая лошадь,
Знай, ржетъ себѣ въ стойлѣ.
И не удастся ему уничтожить
Судьбы своеволья"...

Веймарнъ.

РѢШЕНО.

Есть въ небѣ садъ невянущій
Для дѣтскихъ душъ, для радостныхъ...

М. Лохвицкая.

Она (обнимая его и цѣлуя):
О, другъ мой... Сегодня — блаженству предѣлъ:
Отнынѣ любви нашей мало двухъ тѣлъ...
Ты понялъ?
Онъ (сердце догадкой волнуя):

Дитя отъ ребенка!.. Устрой мнѣ! устрой...
Ты мать мнѣ замѣнишь; ты будешь сестрой.
(Цѣлуются долго, другъ друга чаруя).
...Она машинально смотрѣла въ окно:
По улицѣ — въ шляпѣ съ проваломъ мужчина
Несъ розовый гробикъ...

... „Сильна скарлатина",
Читалъ мужъ въ газетахъ, — и стало темно.
Она (обращаясь къ предчувствію): Боже?!
Онъ бросилъ газету и думаетъ *то же*...
И каждому кто-то шепнулъ: Р ѣ ш е н о.

СОНЕТЪ.

Георгію Иванову.

Я помню Васъ: Вы нѣжный и простой.
И Вы — эстетъ съ презрительнымъ лорнетомъ.
На Вашъ сонетъ отвѣтствую сонетомъ,
Струя въ него кларета грезъ отстой...

Я говорю мгновенію: „Постой!“
И, приказавъ яснѣй свѣтить планетамъ,
Дружу съ убого-милымъ кабинетомъ:
Я упоенъ страданья красотой...

Я въ солнцѣ угасаю — я живу
По вечерамъ: брожу я на Неву,—
Тамъ ждетъ грезэра дѣвственная дама.
Она — креолка древняго Днѣпра,—
Вѣрна тому, чьего ребенка мама...
И нервничаютъ броско два пера...

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Живи, живое!

II. Лунныя тѣни.

III. Колье принцессы.

III Альманахъ „Грифъ“. 1 р. 30 к. (Распродано.)

Оскаръ Уайльдъ. De profundis. Записки и письма изъ Рэдингской тюрьмы. Пер. Е. Андреевой. (Распрод.)

К. Д. Бальмонтъ. Литургія Красоты. Стихи. Обл. М. Сабашниковой. 2 р.

. Д. Бальмонтъ. Фейныя сказки. Стихи. 80 к.

Оскаръ Уайльдъ. Портретъ Доріана Грэя. Перев. А. Минцловой. Нумеров. изд. съ рис. М. Дурнова. 3 р. (Распродано.)

Оскаръ Уйльдъ. Замыслы. Пер. А. Минцловой. Обл. раб. В. Миліоти. 1 р. 40 к.

Сергѣй Кречетовъ. Алая книга. (Конфисковано. Въ продажѣ не имѣется.)

А. Курсинскій. Сквозь призму души. Стихи и разсказы. Обл. Н. Сапунова. 1 р.

Л. Вилькина-Минская. Мой садъ. Сонеты и разсказы. Обл. раб. В. Миліоти. 1 р.

А. Кондратьевъ. Сатиресса. Миѳологическій романъ. Обл. раб. Я. Бельзена. 1 р. (Распродано.)

А. Бѣлый. Урна. Книга стиховъ. 1 р.

Нина Петровская. Sanctus amor. Разсказы. 60 к.

И. Новиковъ. Духу Святому. Стихи. Обл. раб. Н. Крымова. 1 р.

К. Ауслендеръ. Золотыя яблоки. Разсказы. Обложка и фронтисписъ А. Силина. 1 р. (Распродано.)

К. Бальмонтъ. Только любовь. Стихи. II изданіе. 1 р.

О. Дымовъ. Земля цвѣтетъ. Разсказы. Обл. З. Эліасбергъ. 1 р.

С. Кречетовъ. Летучій голландецъ. Вторая книга стиховъ. Обложка А. Арнштама. Ц. 80 к.

В. Ходасевичъ. Молодость. Стихи. 70 к.

А. Мирэ. Черная пантера. Разсказы. 80 к.

Александръ Діесперовъ. Стихотворенія. 1911. 60 к.

Максимиліанъ Волошинъ. 1900 — 1910. Книга стиховъ. Обложка А. Арнштама. Фронтисписы и рисунки въ текстѣ К. Ѳ. Богаевскаго. Ц. 80 к.

Иннокентій Анненскій. Кипарисовый ларецъ. Книга стиховъ. Посмертное изданіе. Обложка А. Арнштама. Ц. 80 к.

Марсель Швобъ. Вымышленныя жизни. Разсказы. Переводъ Л. Д. Рындиной. (Конфисковано. Въ продажѣ не имѣется.)

Графъ Алексѣй Н. Толстой. За синими рѣками. Книга стиховъ. Обложка В. Бѣлкина. Ц. 75 к.

Семъ-Бенелли. Ужинъ шутокъ. Драматическая поэма изъ эпохи Лоренцо Великолѣпнаго. Перев. съ итальянскаго Александра Брюсова. Ц. 65 к.

К. Бальмонтъ. Зарево Зорь. Книга стих. 1912. 1 р. (Распродано.)

Александръ Тиняковъ. (Одинокій.) Navis nigra. Стихи. 1913. 75 к.

Игорь Сѣверянинъ. Громокипящій кубокъ. Стихи. Предисловіе Ѳ. Сологуба. I изд. 1913. 1 р. (распрод.).

Игорь Сѣверянинъ. Громокипящій кубокъ. Стихи. II изд. 1913. 1 р. (распродано).

Юбилейный Альманахъ „Грифъ“. Съ портретами, факсимилэ и библіографическимъ указателемъ 29 авторовъ. Нумерованное изданіе въ количествѣ 570 экз. 1914 г. Ц. 3 р. Въ Альманахѣ участвуютъ: † И. Ѳ. Анненскій, Аратовъ (Н. Я. Абрамовичъ). Сергѣй Ауслендеръ, К. Д. Бальмонтъ, Александръ Блокъ, Александръ Брюсовъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, А. Вилькина, Максиміліанъ Волошинъ, † Викторъ Гофманъ, Александръ Діесперовъ, Вячеславъ Ивановъ, Ал. Кондратьевъ, Сергѣй Кречетовъ, Владиміръ Линденбаумъ, А. Миропольскій, Иванъ Новиковъ, Нина Петровская. Николай Поярковъ, А. М. Ремизовъ, Борисъ Садовской, Ѳедоръ Сологубъ, Викторъ Стражевъ, Игорь Сѣверянинъ, Александръ Тиняковъ (Одинокій), Гр. Алексѣй Н. Толстой, Владиславъ Ходасевичъ, Е. Янтаревъ.

А. Кондратьевъ. Сатиресса. Миѳологич. романъ, II изданіе. 1914. 1 р.

Сергѣй Ауслендеръ. Золотыя яблоки. Разсказы. II изданіе. 1914. 1 р.

К. Бальмонтъ. Зарево Зорь. Стихи. II изданіе. 1914. 1 р.

Редакторъ ***Сергѣй Кречетовъ.***

Ц. 1 р.

